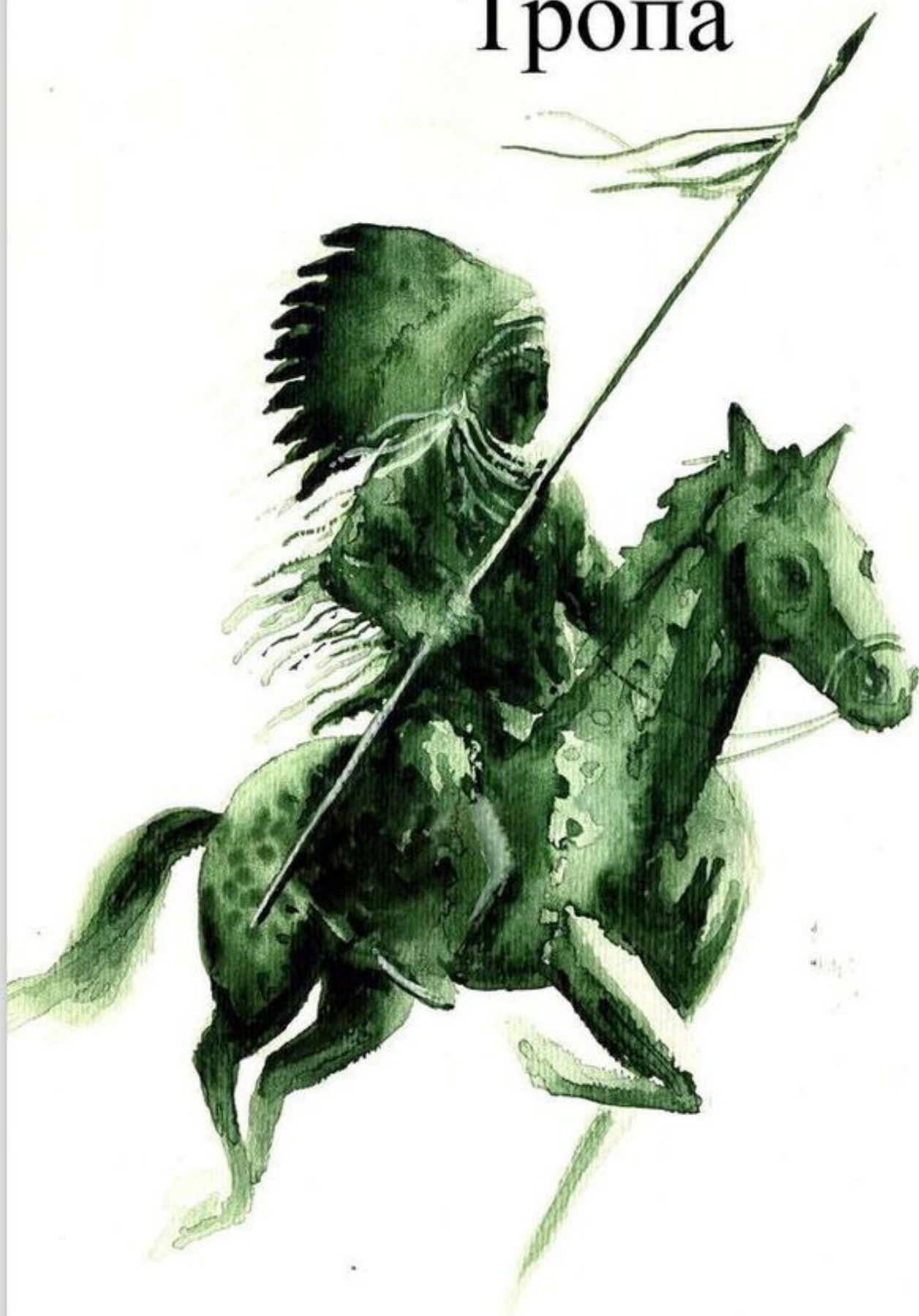

18+

Андрей Ветер

Тропа

Андрей Ветер

Тропа. История безумного медведя

«Издательские решения»

Ветер А.

Тропа. История безумного медведя / А. Ветер — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857919-6

История воина из племени Лакота, избравшего путь шамана. Книга охватывает период от 1830-х до 1890-х годов и открывает читателю удивительный мир индейцев.

ISBN 978-5-44-857919-6

© Ветер А.
© Издательские решения

Содержание

От автора	7
Мато Уитко	10
(его собственные слова)	10
Медведь	12
Кража лошадей	15
Мато Уитко	22
(его собственные слова)	22
Водяной дух	24
Приезд	26
Рэндал Скотт	29
(из дневника)	29
Схватка	32
Мато Уитко	34
(его собственные слова)	34
Чужак	36
Крепость	40
Женщина	45
Мато Уитко	47
(его собственные слова)	47
Одиночки	51
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Тропа История безумного медведя

Андрей Ветер

© Андрей Ветер, 2026

ISBN 978-5-4485-7919-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В сентябре 1917 года редакция газеты, где я работал штатным репортёром, поручила мне найти какой-нибудь материал «поживее». Начальник отдела, которого все звали не иначе как Крыса, измождённый мужчина средних лет, с серым обвислым лицом и толстыми линзами на носу, внушительно сказал:

– Мне плевать, что ты откопаешь, приятель, но это должно быть аппетитно. Только помни, что никаких антивоенных материалов я не приму от тебя.

Последние слова он произнёс почти шёпотом. В редакции все боялись доносов. В связи со вступлением Америки в войну против Германии, правительство устроило настоящую истерию: преследовались все американцы германского происхождения, жестоко пресекались любые антивоенные высказывания.

– Поезжай в Сосновый Утёс, – порекомендовал мне Крыса, звучно сморкаясь в грязный носовой платок.

– В индейскую резервацию? Что я там забыл, чёрт возьми?

– Я слышал, что туда только что возвратился краснокожий, побывавший добровольцем на фронте. Ему оторвало ногу снарядом. Нам очень нужна информация такого рода. Если сумеешь раскрутить эту тему, это было бы очень полезно для газеты...

Более неинтересного задания я не получал никогда. Отправиться в гущу туземных лачуг и рыскать там в поисках мнимых национальных героев – что может быть хуже и бесперспективнее!

Но ехать пришлось, иначе я рисковал потерять работу. Единственным утешением был выделенный мне редакцией новенький автомобиль «Модель-Т» производства «Форд Мотор Компани» – ярко-синий, блестящий, словно только что облитый водой.

Я не подозревал, что эта поездка перевернёт всю мою жизнь и что мне посчастливится встретить там человека, который заставит меня смотреть на мир по-новому. Я ехал исполнять скучное поручение, а повстречался с Великой Тайной, олицетворением которой стал для меня щедушный старик...

Но не буду забегать вперёд.

Мой давний товарищ Уинтроп Хейли, с которым мы вместе учились десять лет назад, но пошли разными дорогами, работал клерком в резервации Сосновый Утёс. Я связался с ним по телеграфу, и он встретил меня на почтовой станции.

– Какая великолепная вещь! – воскликнул Хейли, поглаживая круто изогнутые крылья моего автомашины. – У нас тут никто ещё не видел такого чуда.

Вокруг горбились холмы, покрытые густыми сине-зелёными лесами.

– Вот чудо-то! Вот очарование! – вырвалось у меня. – Вот где истинная красота и величие!

Уинтроп только засмеялся в ответ:

– Знал бы ты, как здесь было раньше. Настоящий первобытный мир. А уж о тех временах, когда нас тут не было, и говорить не приходится.

– Кого «нас»? О ком ты говоришь?

В эту минуту из зарослей кустов с ужасным рёвом вывалился медведь. От неожиданности я надавил на тормоз. Автомобиль издал звук, похожий на кашель туберкулёзного больного, задёргался и остановился. Медведь поднялся на задние лапы, разинул огромную пасть, запах которой я остро почувствовал на расстоянии нескольких метров, и обрушился всей своей массой на передок машины. Нас основательно потрянуло.

– Боже! – прошептал сдавленно Уинтроп. – Это самка с детьми!

Я увидел, как из-за кустарника выглянули два лохматых медвежонка.

- Она порвёт нас на куски! – Хейли впился руками в кресло. – У тебя нет ружья?
- У меня есть только бумага и чернила!
- Тогда молись!

И тут чуть поодаль на дороге появился человек. Он был одет в старую клетчатую рубашку и обвислые штаны. Его седые волосы были коротко острижены, но по чертам лица я безошибочно определил в нём представителя индейской расы. На вид я дал бы ему лет восемьдесят-девяносто.

- Уходите! – закричал ему я. – Бегите отсюда скорее!

Но старик не обратил внимания на мои призывы. Он и не думал убегать. В течение нескольких секунд он смотрел на нас, чуть растопырив руки, словно ощупывая что-то в воздухе. Затем решительно шагнул в нашу сторону и произнёс несколько слов на непонятном мне языке.

Медведица, уже почти подошедшая к двери автомобиля, в последний раз ударила лапами по борту. Я услышал ужасный скрежет её длинных когтей по металлу, и этот звук надолго оставил глубокие борозды страха в моей памяти. Однако уловив произнесённые индейцем слова, свирепое животное остановилось и замотало огромной головой. Громкое дыхание зверя колыхало воздух едва ли сильнее, чем только что отзвучавший жуткий рёв. Мне казалось, что от этого дыхания стенки «Модели Т» содрогались.

Индеец неторопливо приблизился, вытянув перед собой руки.

- Он разговаривает с нею, – прошептал Уинтроп. – Он просит её оставить нас в покое.
- Как это просит? – с трудом выдавил из себя я.
- Просит...

Медведица задумалась, затем шагнула к нам и в течение некоторого времени смотрела на меня и Уинтропа в упор. Её горячее дыхание касалось моего лица. Затем она неохотно повернулась и увела за собой своих косматых отпрысков, косилапя и ворча себе под нос.

- Боже! – мне никак не удавалось унять дрожь в руках.
- Вот тебе и знакомство с девственной природой, дружище, – слабо засмеялся Хейли. – Добро пожаловать на территорию Соснового Утёса.
- Но как ему удалось? – указал я на старого индейца.
- Медведь с медведем всегда найдёт общий язык, – сказал мой товарищ и приветственно помахал рукой туземцу: – Здравствуй, Матó!
- Ты знаешь его?
- Разумеется. Это один из самых старых здешних жителей. Он знает столько историй о жизни племени, что с ним можно потерять счёт времени.
- Как ты назвал его? Матó? Что это означает?
- Медведь. На самом деле его зовут Матó Уиткó, то есть Безумный Медведь. Тебе повезёт, если ты найдёшь с ним общий язык.

- Общий язык? Он разве говорит по-английски?
- Весьма сносно, – кивнул Уинтроп.

Индеец несколько раз обошёл автомобиль, внимательно изучая его, иногда приседая и заглядывая под днище.

- Много интересного придумывают белые люди! – засмеялся он.

Затем он пожал руку Уинтропу, а после того поздоровался со мной. От него пахло травами. Глядя на меня, он едва заметно улыбнулся.

- Да, да, – проговорили его губы, – всё так...

Всё время, пока я возился с автомобилем, пытаюсь завести его вращением вставленного спереди рычага, индеец молча наблюдал за мной. Я постоянно чувствовал на себе неотрывный взгляд старика. Наконец машина завелась, и я занял моё место за рулём.

- Мато, поехали с нами, – предложил Хейли индейцу.

Старик забрался в автомобиль и устроился на заднем кресле.

– Я ждал этой встречи, – заговорил он, когда мы тронулись.

– Ждал? – переспросил Уинтроп.

– Во сне ко мне приходили Громовые Существа, – кивнул индеец. – Они сказали, что здесь появится белый человек, которому я должен буду рассказать о моей жизни. Ты и есть тот человек, – он бесцеремонно потыкал меня пальцем в спину. – Я никому не рассказывал о себе. Но Великая Тайна потребовала через своих посланцев, чтобы я поведал всё без утайки. Мне пора покинуть этот мир. Ничто не вечно на земле, даже горы...

Дальше мы ехали молча. При въезде в посёлок, состоявший из простеньких дощатых хижин, Хейли кивнул на сидевшего сзади индейца:

– Он тут один из самых сильных шаманов, дружище. Если он говорит, что должен рассказать что-то тебе, то так тому и быть. Ты сейчас не понимаешь, о чём речь, но позже поймёшь...

Когда заговорил Матó Уиткó я окончательно забыл о цели моей поездки и целиком отдался истории жизни Безумного Медведя – величайшего человека, повстречавшегося на моём пути. За его невзрачной внешностью скрывалась сила, о которой не смеют мечтать самые смелые умы. Стоило ему заговорить, я понял, что сделаю его главным персонажем моей книги.

– Я ждал тебя, – сказал он. – Я расскажу тебе о моём пути, о моих чувствах и о тайных знаниях. Ты должен поведать о них людям. Тебя послал сюда Вакáн Тáнка, ты не смеешь отказаться. Всё, что задумано Творцом, должно претворяться в жизнь. Великая Тайна правит миром. Не нам решать, почему на каждого из нас возлагаются определённые задачи. Нам полагается выполнять нашу миссию, даже если мы не понимаем её смысла. В этом суть Великой Тайны...

Так родилась эта книга.

Некоторые главы романа представляют собой стенографические записи рассказа Мато Уитко. Я решил оставить их в подлинном виде, не внося никаких правок, даже когда старик перескакивал иногда с одного повествования на другое. Это придало книге весьма, как мне кажется, своеобразную форму. О кое-каких вещах Мато говорил очень скупно, но временами слова лились из него потоком, словно какая-то сила заставляла его произносить их. Когда он был немногословен, я брал на себя смелость добавлять кое-что в логическую схему событий, так как я писал роман, а не просто фиксировал чьи-то воспоминания.

Мне посчастливилось также получить сильно истрёпанные страницы из расклеившейся тетради некоего Рэндала Стивена Скотта. Волею судьбы жалкие останки его дневника сохранились среди многочисленных реликвий Мато Уитко. Дневник, хоть и заметно подпорченный и подрастерявший немало листов, оказался для меня не менее ценным, чем воспоминания седовласых индейских старцев. Наличие этих пожелтевших бумаг позволило мне полностью восстановить хронологию некоторых событий.

А теперь, мой читатель, после этого пространного, но необходимого вступления я приглашаю тебя в путешествие по Тропе, на которой множество человеческих судеб сплеталось в один узел, распадалось и снова сливалось воедино, дабы доказать себе и другим, что в мире есть только Бог и Его непоколебимые законы.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Сейчас уже ничего нет. Жизнь Лакотов была раньше. Теперь мы сидим неподвижно и ожидаем смерти. Не думай, что смерть пугает меня. Всё в этом мире умирает. Даже скалы разрушаются от времени. Из того, что мы видим вокруг себя, лишь Мать-Земля вечна и ещё Небо. Но тяжело на моём сердце от мысли, что я не умер раньше, а жизни уже нет. Пойми меня правильно. Я старик. Я потерял очень много, несмотря на то, что мои знания не позволяют мне думать так. Я знаю то, о чём большинство людей даже не догадывается. Но я тоскую и ничего не могу с этим поделать. Я не сумел сделать себя таким, каким был Красный Лось. Я оказался слишком привязан к моему народу и нашей жизни.

Наш мир славился свободой. Свобода ценилась выше всего. Но я понял это не сразу. Сегодня у наших детей рождаются дети. Старики поведают им о великих днях Лакотов, когда наш народ мог ходить и охотиться где угодно и нигде не было заборов, преграждавших путь. Но родившиеся сегодня уже не смогут понять этого.

Я помню время, когда мои люди жили далеко от белого человека, мы не встречали белых, хоть многие рассказывали про них.

Я *знаю*, что жизнь может быть не такой, как сейчас, но мои внуки, которые сейчас уже далеко не дети, не знают этого.

Среди нас не встречалось больных. Мы дышали чистым воздухом и ели свежее мясо, убивая дичь стрелами. Белые не загоняли нас в школы и не принуждали молиться тому, кого называли *своим Богом*. Окружающий мир, друг мой, был для нас тем, чем является для вас умная книга. Мы читали листья, траву, песок, камни. Звери и птицы делили с нами суровость и нежность Земли. Всякая живность доводилась нам родней. Белый человек так не думал. Он не понимал и не понимает, как дерево и река могут быть нашими родственниками. Весь мир, кроме него самого, казался ему населённым очень дикими существами: зверями и индейцами. Он стал истреблять нашу большую семью. Исчез бизон, лось, олень. Редким стал наш лес. Земля – мать всех народов, а белый пришелец вспорол ей живот и вгрызся в неё ради каких-то металлов. Белый человек считает себя хозяином земли, а не сыном. Но куда денется этот хозяин, когда земля умрёт от его издевательств?

Сперва мы думали, что белые просто слабы и глупы, они не понимали языка зверей и не обращали внимания на шёпот ветра. Но оказалось, что они безумны. В их крови бежало слишком много злости, и она отравила белых людей. Мне жаль, что мы позволили им проникнуть в наш край. Но разве мы знали, что они не похожи на нас? Как могли мы догадаться, что чужеземцы выдумают свои законы, а не станут следовать вечному порядку Творца, который приходится отцом всем живым существам.

В моём сердце поселилась большая скорбь.

Мой друг, твоё племя велико, я видел ваши города, нет числа твоим братьям. Передай же им наши речи через твою бумагу. Мы многое поведали тебе. Сказанное слово не должно упасть на землю и превратиться в прах. Оно рождается для дела, взлетает птицей и парит над нами вечно, чтобы человек мог пользоваться им.

Когда мы уже не жили на свободе, Короткий Бык принёс Лакотам весть одного ясновидца о том, что прошлые времена вернутся, очистится земля от белого человека, вновь появятся стада лошадей и бизонов, вернутся наши погибшие воины... Многие поверили и начали Пляску Духов, как учил ясновидящий. Они не понимали, что он имел в виду не возвращение ушедших лет в том виде, как они запомнились индейцам, а предвещал наступление гармонии.

Тот ясновидец наставлял индейцев разных племён любить друг друга. Он говорил, что им нужно навсегда позабыть о военной тропе и только тогда наступит прекрасная жизнь. Он учил людей плясать по-новому – всем вместе, не отделяя мужчин от женщин и детей от взрослых. Он учил людей пляске мира, пляске единства. Но индейцы не сумели осознать его слов и восприняли их по-своему.

Я хорошо понимал ясновидца и его учение, так как я слышал об этом в дни моей молодости от Красного Лося. Я знаю, что его предсказание исполнится...

Большая Нога и многие другие пали от солдатских пуль, но разве этим можно остановить пророчество? Не представляю, как скоро оно сбудется, но это случится. Мир белых людей полон болезней, поэтому должен умереть. Но не война опрокинет его. Индейский народ долгие годы потратил на войну, это она сгубила нашу жизнь. Мы отступили от законов Дающего Жизнь, пролили слишком много чужой крови и теперь расплачиваемся...

Медведь

Он достиг тринадцати лет в тот год, но ему ещё не доводилось участвовать ни в одном военном походе (даже остаться при лошадях в засаде ему не предлагали), и он ни разу не подстрелил на охоте крупного зверя. Все называли его Мальчиком-Со-Звонким-Голосом, а он мечтал о торжественном и звучном имени, которое мужчины получали после отважного поступка на поле боя... Он знал, что заслуженные воины нередко брали себе в младшие товарищи кого-нибудь из подростков, чтобы обучать их искусству воина и охотника. У него же такого наставника не имелось.

Он сидел на большом валуне, покрытом у основания мягким мхом и ещё хранившем в себе тепло ушедшего солнца, и неподвижным взглядом смотрел на тихое селение клана Куропатки – его родной лагерь быстро растворялся в сумраке. Мальчик отошёл достаточно далеко от индейской деревушки, чтобы не слышать ничьих голосов, и теперь его окружала почти полная тишина. Он хотел побыть один...

Чёрная фигура появилась перед ним внезапно, будто ниоткуда, и от неожиданности у Мальчика сжалось сердце, пересохло горло. Вокруг сразу сделалось как-то особенно темно. Возможно, так ему показалось из-за накатившего страха, ведь человек подкрался незаметно, значит, был коварным и смертельно опасным врагом... И противостоять ему было нечем, так как Мальчик не взял с собой ни ножа, ни лука со стрелами.

– Не бойся, – низким голосом произнёс неизвестный, и Мальчик увидел его белые зубы прямо возле своего лица. Во тьме различались только белки его глаз и зубы (вероятно, вся его кожа была густо покрыта чёрной краской). Иногда какой-то невидимый лучик выхватывал из пространства два могучих кривых рога над головой чужака. Тот же отсвет дал зорким глазам Мальчика возможность в доли секунды различить и привязанную к голове мохнатую шкуру, к которой крепились эти рога.

– Не бойся, – повторил чёрный человек, – я не причиню тебе вреда. Я вижу, что ты сильно опечален. Я знаю твои мысли. Тебе кажется, что старшие воины незаслуженно обходят тебя вниманием... Я помогу...

– Кто ты? – спросил Мальчик, пытаясь подавить волнение, – и что за помощь можешь дать мне?

– Я не могу назваться моим настоящим именем. Для тебя я буду Медвежьим Быком. Я покровитель тех, кто должен проснуться, но сам пока не знает об этом. Однажды в тебе откроются большие силы, до тех же пор пройдёт много лет, и я буду твоим проводником на Тропе.

– Медвежий Бык? – воскликнул Мальчик, не в состоянии скрыть всколыхнувшийся суеверный страх. – Я не знаю тебя.

– Успокойся... В своё время ты узнаешь очень много. Но я пришёл не для разговоров... Возьми нож, – Мальчик увидел, как тускло блеснуло во мраке протянутое ему широкое лезвие, – и приготовься немедленно перейти от пустых мечтаний к действиям. Будь очень внимателен и повторяй мои движения...

Его слова оборвались.

Мальчик вздрогнул, услышав почти над самым ухом страшный трубный рёв. Он резко повернулся и прямо перед собой увидел громадные клыки. Зверь жарко дыхнул ему в лицо и прытко поднялся на задние лапы, мощно колыхнув мохнатым брюхом и сразу сделавшись неимоверно огромным. В груди Мальчика что-то лопнуло и разбрызгалось по всему телу ледяными иглами. Время остановилось. Мальчик позабыл о стиснутом в руке ноже, да и что он мог сделать, если бы даже помнил о широком лезвии? Против чёрного медведя не рискнул бы выступить в одиночку никто из самых опытных охотников. А тут всего лишь мальчик...

– Отбрось страх! – послышался голос Медвежьего Быка. – Если тебе суждено погибнуть, то уже поздно бояться. Отдай рукам всю силу своего тела и нанеси удар! Повторяй мои движения! Будь моей тенью сейчас!

В эту секунду Мальчику почудилось, что зрение его резко прояснилось: очертания окружающих предметов стали хорошо различимы, хотя ночь продолжала стучаться. Он увидел, как чёрная фигура Медвежьего Быка стремительно скользнула под раскинутые лапы косматого животного, словно желая попасть в мощные объятия клыкастого великана. При этом Мальчик успел осознать, что движения Медвежьего Быка были похожи на движения плывущего под водой человека – они казались заторможенными. Мальчик сделал шаг следом, тоже плавно, словно перетекая из одной позы в другую. Вот его рука занеслась вправо, вот над головой застыла тяжёлая лапа с мерцающими когтями, вот лицо уткнулось в пахучую шерсть, щека почувствовала твёрдость медвежьего тела. Нож проткнул кожу с громким звуком и погрузился в мышечную ткань по самую рукоятку. И тут вдруг всё сделалось невероятно быстрым. Вооружённая рука со скоростью молнии нанесла несколько ударов подряд. Мальчик мгновенно выпрыгнул из-под рассекающих воздух когтистых лапищ, отскочил в сторону и тут же вонзил лезвие зверю в горло, каким-то образом очутившись у него на загривке. Горячая кровь облила стиснутые пальцы. Он услышал, как его победный клич слился с рёвом медведя...

Мощное косматое тело тяжело рухнуло на землю, дёргая лапами. Мальчик, запыхавшись, опустился рядом и провёл по лицу липкой ладонью.

– Поблаговари его, – сказал Медвежий Бык, не позволяя ему отдышаться. – Отныне ты получаешь силу этого четвероногого брата и его имя. Выскажи ему уважение.

Мальчик, громко глотая воздух и слыша, как вздымается его грудь, встал на колени перед ещё подрагивающей тушей.

– Спасибо тебе, мой старший брат, за подаренные мне жизнь, мудрость, отвагу и силу. Прости, что мне пришлось пролить твою кровь. Я всегда буду хранить память о тебе.

Продолжая слегка дрожать от неутихшего возбуждения, но теперь уже совсем не испытывая страха, Мальчик левой рукой (поскольку она ближе к сердцу) зачерпнул медвежьей крови и обмазал ею свою грудь.

– Теперь отрежь его когти, позже ты смастеришь из них для себя ожерелье, – велел Медвежий Бык, – сними шкуру и отдай её своей младшей сестре (она ещё девственница). Печень и сердце высуши и вместе с перетёртой полынью носи в маленьком мешочке на поясе. Когда тебе будет угрожать опасность, этот амулет будет тяжелеть и тем самым предупреждать тебя... Череп медведя оставь на муравейнике, а когда маленькие братья начисто объедят его, ополосни череп водой и положи на тот камень, где ты сидел, когда я пришёл к тебе. Покрой камень красной охрой и молись ему как проявлению могущественного духа *Иньан*¹. Это будет место, где Медвежий Народ сможет давать тебе советы. Из верхней же части морды ты сделай маску и носи её на голове во время походов... А теперь я ухожу... Я часто буду появляться возле тебя, чтобы подсказывать и помогать, и ты будешь узнавать меня по сегодняшнему моему внешнему виду. Но этот облик только для тебя. Другие, перед кем я появляюсь, видят меня иначе... Я оставляю тебе нож, которым ты сразил медведя. Ты можешь гордиться таким оружием, но не давай его никому в руки и знай, что обо мне ты никому не должен говорить, иначе помощь моя прервётся. Тайна остаётся тайной, её не дозволяется открывать.

И чёрная фигура Медвежьего Быка, сделав пару шагов в сторону, пропала.

Наутро отец Мальчика-Со-Звонким-Голосом послал глашатая объявить на всю деревню, что его сын совершил величайший подвиг и теперь будет называться Медведем. О тайном помощнике не было произнесено ни слова, хотя многие выспрашивали подробности схватки

¹ *Иньан* или *Тункан* – дух, живущий в камнях и скалах. Его называют Живым Камнем и относят к категории Высших божеств.

и с любопытством вытягивали шеи, чтобы разглядеть громадный нож, которым тринадцатилетний подросток свалил страшного зверя, – оружие, которого прежде у него не было.

Кража лошадей

Было раннее утро, когда Два Горба дотронулся до плеча Медведя и разбудил его.

– Что такое, отец? – хотел было спросить мальчик, но отец прикрыл его рот ладонью и многозначительно указал глазами на вход в палатку.

– Хочешь посмотреть на врага? – беззвучно шевельнул губами Два Горба.

Мальчик поспешил кивнуть в ответ и осторожно выбрался из-под шкуры, служившей одеялом. В руке отца он увидел тугой лук, сделанный из большого оленьего рога, и три стрелы. Глаза его вспыхнули, как угли под дуновением налетевшего ветра.

– Он пришёл отвязать лошадей, – жестами показал Два Горба, имея в виду прокравшегося в стойбище лазутчика.

Два Горба положил стрелу на тетиву и устроился возле куска кожи, служившего дверью. Подозвав сына к себе едва уловимым жестом, он слегка отогнул край кожи, и Медведь сразу приметил фигуру человека, осторожно продвигавшуюся к соседней палатке, возле которой стояли на привязи два красивых жеребца чёрной масти. Конокрад был совершенно наг и выкрашен с ног до головы белой глиной. Когда он останавливался, неподвижно скорчившись, он становился похожим на большой камень. Даже волосы его, застывшие под слоем глины, выглядели как высохшая трава.

– Это очень ловкий и хитрый воин, – отметил Два Горба. – Но мой слух достаточно острый, чтобы уловить даже его неслышные шаги.

Он натянул лук и глазами велел Медведю откинуть входной полог. Едва вход в палатку открылся, Два Горба быстро вскинул лук и отпустил тетиву. Она издала лёгкий, едва уловимый, фыркнувший звук и вытолкнула стрелу в сторону конокрада, придав ей стремительность и силу молнии. Человек дёрнулся от неожиданности и схватился за бок. Стрела воткнулась ему под ребро и вышла наконечником из груди, пробив, должно быть, сердце. Лазутчик замер, стоя на коленях, на несколько секунд, затем плавно повернул голову в ту сторону, откуда примчалась к нему внезапная смерть, и лёг на землю. Из раны быстро потекла кровь, алея на белой глине, которой был густо вымазан конокрад, впитываясь в трещинки, набухая в белых крошках, утяжеляя сухие кусочки глины и отваливая их от тела.

Два Горба выскочил наружу, пригнувшись и оглядываясь, не видно ли других лазутчиков. Медведь поспешил за ним, схватив нож, подаренный ему Медвежьим Быком, и громко закричал, переполненный возбуждением. Его чувства хлестали через край, и мальчик не мог сдерживать их. Его боевой клич получился не очень выразительным, но Два Горба поддержал сына, издав душераздирающий вопль, от которого всколыхнулась вся деревня. Казалось, даже тянувшийся над сонной землёй ленивый туман дрогнул от военного клича умелого воина.

Чуть в стороне Медведь заметил две другие раскрашенные фигуры. Они поднялись с земли и бросились бежать прочь из лагеря.

– Отец! – воскликнул Медведь.

– Я вижу их, сын, – бросил Два Горба и пустил стрелу им вслед, однако обе фигуры исчезли в тумане.

Отовсюду появились заспанные люди. Мужчины бежали с топорами и луками в руках, женщины испуганно высовывали головы из палаток, но не решались выйти совсем, не понимая, что именно произошло.

Два Горба в нескольких словах объяснил подбежавшим к нему товарищам, что произошло, и пять юношей помчались к своим лошадям, чтобы погнаться за беглецами.

– Кто это? – спросил Медведь, присаживаясь возле застреленного конокрада и дёргая за кончик торчавшей из-под ребра стрелы.

– Пса́лок². Взгляни на его обувь, сын, это человек из Вороньего Племени. Дотронься до него. Это будет твоё первое прикосновение к врагу³.

Мальчик уверенно приложил ладонь к Псалоку и ощутил ладонью шершавую поверхность глины.

– Я убил врага! – закричал довольным голосом Два Горба. – Мой сын Медведь первым дотронулся до поверженного Пса́лока! Мой сын совершил подвиг! Люди, сегодня мы будем праздновать это событие! Я угощаю мясом антилопы, которую я убил вчера.

– Там есть следы крови, – подошёл, указывая рукой через плечо, Хвост Выдры. – Похоже, Два Горба, ты ранил ещё одного Псалока. Возможно, юноши настигнут его за пределами становища.

Хвост Выдры перевернул тело убитого врага и всмотрелся в его лицо. Рядом уже толпились женщины. Одна из них протиснулась сквозь собравшихся, держа в руке длинный нож, и, не произнося ни слова, быстро занесла руку над головой. Удар лезвия пришёлся по плечу убитого и глубоко рассёк плоть. Кровь брызнула во все стороны.

– Это тебе за то, что твои люди убили прошлым летом моего сына! – выкрикнула индианка и плюнула несколько раз на покойника.

Следом за этим на мертвеца обрушился целый град беспощадных ударов дубин и топоров. В считанные минуты тело Псалока превратилось в кровавую грудку мяса, лишь общими очертаниями напоминавшее человека.

– Посмотри на сына, Трава-Из-Воды, – обратился Два Горба к подбежавшей жене, – он только что дотронулся до Псалока, которого я убил.

– Это военный отряд? – спросила она.

– Нет, – успокоил её Два Горба, – они пришли за лошадьми. Но их поход не оказался удачным. Несколько наших юношей поскакали за ними, вскоре они вернутся и сообщат нам, большой ли отряд им удалось обнаружить и стоит ли его преследовать. Если нашим повезёт, они завалят ещё кого-нибудь...

Некоторое время спустя в деревню примчался Хвост Выдры с друзьями, задорно покрикивая и размахивая боевыми палицами, оцетинившимися острыми металлическими лезвиями. Позади лошадей тащились по земле привязанные верёвками два трупа. Всякий раз, когда убитые натыкались на камни, их раскинутые руки безвольно подрагивали, а из расколотых черепов выплёскивалась кровь, густо разливаясь в пыли.

Вечером стойбище наполнилось барабанным боем и пронзительными песнями. Трава-Из-Воды, мать Медведя, танцевала, важно подняв подбородок, перед костром, разложенным посреди лагеря; в одной руке она держала над головой шест с привязанным к нему скальпом убитого Псалока, в другой – лук и щит мужа. За ней приплясывали две совсем юные девушки с такими же окровавленными трофеями, прицепленными к копьям. Следом двигались другие женщины, потряхивая прикрепленными к палкам отрубленными ногами и руками Псалоков. Шествие замыкала маленькая девочка с большими чёрными глазами и широкой белой улыбкой на открытом лице; она весело перескакивала с ноги на ногу и стискивала обеими ручонками длинный, в запёкшейся крови, лоскут человеческой кожи с половыми органами одного из убитых врагов.

² А б с а́ р о к а – племя языковой группы Сю, больше известное как Воронье Племя. Впрочем, слово «абсарока» не означает собственно ворону; большинство исследователей соглашается с тем, что это древнее слово указывает, скорее, на любого пернатого хищника.

³ У большинства равнинных индейцев прикосновение к врагу считалось самой большой военной заслугой. Существовали строгие градации этого подвига: прикосновение к живому врагу, к мёртвому, первое прикосновение, второе, третье. Некоторые индейцы держали для совершения этого подвига специальные жезлы, но многие ударяли противника луком, копьём или просто рукой. Совершив это, воин обычно издавал победный клич, чтобы привлечь к себе внимание товарищей, которые должны были впоследствии засвидетельствовать его подвиг на сходке воинов.

Два Горба, облачённый в длинную рубаху из оленьей кожи, которая была расшита иглами дикобраза на плечах и украшена вдоль рукавов пучками вражеских волос, произнёс речь в честь своего сына.

– По такому знаменательному случаю я дарю самому бедному человеку в нашем становище одну лошадь, – заключил он, и эти слова были встречены воплями одобрения со стороны соплеменников.

Медведь тоже принял участие в пляске вокруг огня, выкрасив лицо в алый цвет.

– Когда ты отправишься в поход, я хочу пойти с тобой, – обратился он к отцу, когда празднество завершилось.

– Я думаю, что я подниму отряд через два дня. Молодые воины горят желанием показать Пса́локам, что Лакоты более ловко угоняют лошадей.

– Я пойду с вами, – твёрдо сказал Медведь.

– Теперь ты считаешься воином, так как дотронулся до врага. Я не имею права запретить тебе. Если ты готов, если ты полон решимости, то я включу тебе в отряд. Но не забудь, что тебе надо хорошенько подготовиться. Проверь стрелы и лук, крепко ли сидят наконечники, хорошо ли держится тетива. Не забудь взять у сестры запасную обувь для похода. Я видел, что она закончила ещё две пары мокасин для тебя, они будут очень кстати.

Глубокой ночью, когда шум в стойбище стих и из-за стен палатки доносилось только редкое переругивание собак, Медведь всё никак не мог уснуть. Справа от него тяжело дышали отец и мать, энергично совокупляясь под бизоньей шкурой. Иногда тёмное покрывало сползало, и взору мальчика представляли голые материнские бедра, между которыми двигались ягодицы отца; смазанная жиром енота кожа лоснилась в тусклом свете полусзатухшего костра. Мальчик тихо улыбался. Его радовало, когда он видел, что родители счастливы и что на их лицах нет ни тени печали. Ему нравилось прислушиваться к звукам родительского соития и вдыхать их запах – запах возможной будущей жизни. Медведь знал, что в скором времени он и сам подрастёт настолько, что сможет сходиться с хорошенькими девушками. Но чтобы они стали доступны, ему надо было привлечь их внимание своими выдающимися поступками. Ему нужны были подвиги, как можно больше подвигов.

Мысль о походе за лошадьми во вражеский стан не давала ему покоя до самого утра. Лишь ближе к рассвету он крепко заснул.

Следующий день прошёл в суете. Друзья, прознавшие о том, что Медведь отправится в рейд вместе со старшими воинами, пришли подбодрить его. Кое-кто открыто выражал зависть.

И вот наступило долгожданное утро, ночь перед которым Медведь вновь провёл в нетерпеливой и изнурительной бессоннице.

С первыми проблесками света Два Горба поднял сына.

– Пора, – шепнул он, стараясь не будить остальных, но Трава-Из-Воды всё же проснулась и, не произнеся ни слова, бросилась к мужу, обнимая его и прижимаясь лицом к его мускулистой груди.

– Не бойся, – проговорил Два Горба, – всё будет хорошо.

Она кивнула в ответ и молчаливо вышла следом за мужем из палатки. Около входа из земли торчал высокий шест, на нём висел скаल्प, с которым танцевала Трава-Из-Воды. В сером предрассветном воздухе маячили очертания двадцати стройных длинноволосых чело-
век. У каждого в руках были кожаные мешки и оружие.

– Все собрались? – спросил Два Горба.

Индейцы кивнули.

– Тогда в путь.

Они пошли из деревни быстрыми шагами. Тут и там виднелись около палаток фигуры женщин, с тревогой смотревших вслед удалявшемуся отряду. Все надеялись на благополучный

исход рейда, но все знали, насколько велик риск погибнуть возле враждебного лагеря. Они ушли пешком, следуя давней традиции Лакотов не брать лошадей, если целью похода были чужие лошади, на которых отряду предстояло вернуться домой.

Медведь обернулся. Позади осталась деревня. Конусы палаток, ошетилившиеся на вершухе шестами, наполовину утопали в ползущем тумане; между шестами, торчавшими подобно усам гигантских насекомых, мирно поднимались ровные струйки дыма. Мальчик почувствовал нечто похожее на грусть. Прощай, детство! Прощайте, мальчишеские игры! Чем бы ни закончился этот поход, обратной дороги в мир детей уже не будет. С этого дня Медведь будет принадлежать миру воинов...

Совсем по-другому виделась теперь Медведю бескрайняя равнина, покрытая тонкими стеблями высокой жёлтой травы. Привычно взлетали в небо из травы птицы, проскальзывали тут и там уши койотов, но теперь степь наполняла мальчика напряжённым ожиданием.

Два дня отряд двигался спокойно, особенно не таясь. На третий день пути Два Горба усадил воинов в круг и раскурил трубку.

– Мы зашли на вражескую территорию. Псалоки могут быть повсюду. Начиная с сегодняшнего дня мы будем выставять дозорных вокруг наших стоянок. Костры не разводим. Днём спим, ночью передвигаемся...

Но далеко идти им не пришлось.

Уже вечером Убийца Волков торопливыми, но бесшумными шагами вернулся на стоянку с того места, откуда он наблюдал за окрестностями, и сообщил о приближении врагов.

– Кто они?

– Похожи на Псалоков. Их вдвое больше нас, – сказал Убийца Волков.

– Это могут быть те самые, которые приходили к нам. Должно быть, кто-то торопится отомстить за того конокрада, которого я застрелил, – предположил Два Горба. – Надо проследить, где они остановятся.

– Ты хочешь, чтобы мы взяли их лошадей? – спросил Убийца Волков.

– Зачем искать их стойбище, когда они сами пришли к нам с лошадьми? Ночью мы сделаем то, что должны сделать.

На закате воины начали готовиться к ночным действиям, заплетая волосы и раскрашивая себя должным образом. Все, кто носил орлиные перья, сняли их, чтобы их белый цвет не привлекал к себе в ночной синеве внимание врага. Разведчики, покрытые волчьими шкурами ушли следить за Псалоками. Медведь приладил к поясу мешочек со священной смесью, которую ему велел сделать Медвежий Бык – порошок из высушенной печени и сердца убитого Шакехански и полынь.

– Приготовь краску, – сказал ему Два Горба.

Усевшись подле отца, Медведь достал кожаную коробку с бизоньим жиром и, зачерпнув его одной ладонью, насыпал сверху чёрный порошок. Тщательно перемешав их, он получил густую чёрную массу. Два Горба, неторопливо окуная пальцы в жирную краску, нанёс её на своё лицо, плотно вымазав ею свои щёки, нос, подбородок. Он никогда не раскрашивал лоб, отправляясь в бой или за лошадьми, но если ему удавалось сразить врага, то кровью убитого он покрывал свой лоб.

Медведь смазал с ладони остаток краски на лицо, не очень заботясь о том, как он будет выглядеть. Его больше волновало положение священного мешочка на поясе, ожерелье из медвежьих когтей и подаренного ему ножа.

Разведчики появились внезапно. Их лица смотрели из-под волчьих масок возбуждённо и строго, глаза горели.

– Лошади стоят вон в той ложине, – указал один из разведчиков рукой в мутную синеву вечера, – а сами Псалоки устроились чуть выше на склоне.

– Значит, – заключил Два Горба, – мы должны отрезать их от табуна. Если мы сделаем это тихо, то Псалоки даже не проснутся. Сколько дозорных у них выставлено?

– Около лошадей сидят двое. Других мы не видели.

– Как только луна зайдёт за те облака, мы подкрадёмся к ним. Жёлтый Палец, ты приготовил рубашку? – Два Горба обернулся к высокому юноше, сидевшему справа от него.

– Да, вот она.

– Надевай её. Время пришло.

– Что это за рубаха? – шёпотом полюбопытствовал Медведь.

– Эту рубаху Жёлтый Палец украл однажды в стойбище Псалоков. Он всегда берёт её, отправляясь в Воронье Племя за лошадьми. Она пахнет Псалоками. Ни собаки, ни лошади не обращают внимания на него, так как думают, что Жёлтый Палец – Псалок. Да и враги, даже если у них очень острое обоняние, тоже не смогут учуять запаха чужого племени...

Два Горба дал знак, и все двинулись в сторону вражеской стоянки. Несмотря на то что Псалоки находились на своей территории, они вели себя осторожно, их костра не было видно. Но Медведь чувствовал запах дыма и улыбался этому запаху – огонь можно спрятать лишь от глаз, но не от чувствительных ноздрей Лакотов.

Бесчисленный мир насекомых наполнил стрекотанием воздух. Густые заросли кустарника близ холма, на котором расположились Псалоки, тревожно зашелестели под мягким порывом степного ветра. Медведь взглянул на отца, тот припал к земле и был абсолютно невидим в своей неподвижности. Низко над ним пролетела крупная сова и почти коснулась его головы широким крылом, но Два Горба не удостоил птицу вниманием. Его пронзительные глаза неотрывно смотрели вперёд. Медведю казалось, что его отец даже прекратил дышать; никогда мальчик не видел его таким, и сейчас он по-настоящему залюбовался отцом, на какое-то мгновение совершенно забыв о том, где и зачем он находится.

Где-то в стороне коротко промывчал олень, и ему откликнулся целый хор далёких волчьих голосов. Кустарник снова зашелестел. Впереди громко фыркнула лошадь. Два Горба приподнял руку с ножом и подал кому-то знак. Слева скользнула безмолвная тень Жёлтого Пальца, за ним двинулся кто-то в волчьей шкуре. Снова донёсся конский всхрап. Мальчик медленно пополз вперёд, осторожно перенося тело над сыпучими камешками. Отец посмотрел на него и знаками сказал, чтобы Медведь оставался на месте и принимал лошадей, которых воины начнут выводить. Мальчик понимающе кивнул.

Через некоторое время Медведь остался в полном одиночестве. В нескольких десятках шагов от него сидели на склоне холма враги, он слышал их негромкие голоса, кто-то посмеивался, рассказывая какую-то историю. И тут мальчик почувствовал, как висевший у него на поясе священный мешочек заметно отяжелел, будто в него разом бросили пару тяжёлых камней. Сердце Медведя заколотилось вдесятеро сильнее, горячий стук передался в голову, и во рту мгновенно пересохло. Где-то рядом была опасность. Где-то очень близко...

Из-за кустарника выплыла тень. В свете луны, снова выкатившейся из-за тучи, Медведь разглядел незнакомого человека с зачёсанной надо лбом чёлкой, которая была густо смазана жиром. Псалок. Враг. Это мог быть один из дозорных, что сидел возле лошадей, либо кто-то из мужчин, спустившийся сверху и заподозривший неладное. Псалок вытащил из-за пояса боевую дубину с круглым каменным набалдашником и присел на корточки, всматриваясь в темноту, где топтались лошади. От мальчика его отделяло не более двух шагов. Медведь хорошо различал бахрому на просторной рубахе врага, согнутую в колене ногу, подошву мокасины, пришитый к плечу волчий хвост, цепкие пальцы на рукоятке дубины...

Псалок не заметил его и сделал полшага вперёд. Медведь приподнялся, стиснув рукоять большого ножа и глазами наметил место для удара – между лопатками, у самого основания шеи, на самой кромке расшитого иглами дикобраза воротника.

Снова подул ветер, и ветви кустарника зашевелились шумно. Их шелест позволил Медведю подняться на ноги так, что Псалока не услышал его. Мальчик сгруппировался, оттолкнулся напружинившимися ногами и, прикусив губу, чтобы не закричать от страха и нахлынувшей внезапно ярости, бросился на врага. Нож легко вошёл туда, куда метил Медведь, и перебил позвоночник, мускулистое тело под мальчиком сразу обмякло и тупо ткнулось головой в землю. Медведь сжался от всплывших в нём противоречивых чувств, прижался грудью к неподвижному врагу и на всякий случай ударил Псалока под левую лопатку ещё пару раз. Враг, сильный и закалённый в боях враг, угрожавший всему отряду Лакотов, был мёртв.

Впереди показался во тьме Жёлтый Палец с двумя лошадьми. Увидев лежавшего на мёртвом теле Медведя, воин обвёл окружающее пространство взглядом и кивком велел мальчику подняться. Медведь указал лезвием на голову Псалока и сделал движение, обозначающее срезаемые с затылка волосы. Жёлтый Палец кивнул. За его спиной появился Два Горба, на его чёрном лице сверкнула хищная улыбка.

Один за другим выходили из густой синевы лощины Лакоты, ведя с собой по две лошади. На поясе одного из воинов Медведь приметил длинные волосы, с которых стекала кровь на кожаные ноговицы. Чуть позже он увидел второй снятый скальп – у другого юноши.

– Отрезай волосы Псалока, – жестами сказал Два Горба.

Мальчик наклонился над трупом, и в эту секунду одна из лошадей вдруг громко заржала, застучала передними ногами о землю. Со склона холма донеслись голоса, явно озадаченные тем, что ржание донеслось не с той стороны, где должен был стоять табун. Послышался вопрошающий крик, но Лакоты не ответили. Два Горба велел не мешкать и садиться верхом.

Вспрыгнув на коней, Лакоты погнали оставшийся табун прочь. На холме зашумели, захрустели ветви под ногами бегущих людей.

Медведь, так и не успев снять скальп с врага, оглянулся. Ему не хотелось упускать такую возможность, но опасность была слишком близка. Заставив лошадь покружить на месте, он ещё раз посмотрел на белешую в темноте рубашку мёртвого Псалока. Убитый человек притягивал мальчика к себе, и Медведь не устоял.

Он спрыгнул с коня и склонился над распластанным телом. Мешочек на его поясе заметно отяжелел, но мальчик не обратил на это внимания. Вцепившись в затылок Псалока, он приподнял его голову и полоснул ножом, едва не задев свои собственные пальцы. Движение получилось слишком резким и косым, лезвие надрезало кусок кожи с волосами, но гораздо меньше, чем требовалось для полновесного скальпа.

– Уходи, – сказал кто-то в голове Медведя.

Медведь нащупал кромку волос на лбу мертвеца и поддел их ножом. Стараясь сдержать нервную дрожь в руках, он аккуратно надрезал кожу по всему контуру волос и сильно потянул их на себя, острым лезвием обрывая кровеносные сосуды под кожей, и чувствуя горячую кровь на своих руках.

Прошло ещё мгновение, и совсем близко посыпались камешки под чьими-то быстрыми ногами. Медведь метнулся к лошади, но она кинулась в сторону. Он успел вцепиться её в хвост, рванул его на себя и запрыгнул на спину строптивого скакуна. Ударив коня пятками, Медведь издал победный клич и поднял над головой тяжёлый от крови волосатый трофей. В следующую секунду жёсткое древко стрелы ударило мальчика в ягодицу. Он вскрикнул от неожиданности и погнал своего скакуна во всю прыть. За спиной пронзительно ругались.

– Ха! Мы здорово провели этих Псалоков! – воскликнул Два Горба, когда они сделали первую остановку.

Подъехав к сыну, он взял его за локоть:

– Что с тобой? Ты едва держишься...

– Стрела...

Его быстро сняли с коня и уложили на живот в высокую траву.

– Ничего страшного, – проговорил Вертящийся Енот, – стрела ударила его на излёте. Конечно, он потерял много крови, так как наконечник растеребил мышцу во время скачки. Но я справлюсь с этой раной.

– Не потеряйте скальп, – прошептал Медведь через плечо, не в силах поднять голову, – мой первый скальп, очень важный скальп...

Мато Уитко

(его собственные слова)

Я уже очень стар, но прекрасно помню мой первый выход на военную тропу. Я убил воина из Вороньего Племени и решил забрать его волосы. Я был настолько возбуждён, что срезал их не с затылка, как делалось обычно, но все целиком, даже длинные заплетённые косы были на том скальпе. Я снял всю кожу с головы того Псалока – от бровей до шеи. Это был богатый скальп, красивый. Сзади к волосам было привязано длинное орлиное перо, оно так и осталось на месте, только обломилось на кончике, когда я убивал Псалока и придавил его моим телом.

Больше никогда я не срезал волосы таким образом. В меня попала стрела из-за того, что я провозился долго возле мертвеца. Когда после продолжительной скачки мы сделали остановку, я упал без сил. Наконечник сильно расковырял рану, и из меня вытекло много крови.

Пока я лежал, я увидел стрекозу, которая зависла перед моим лицом. Она сказала:

– Ты должен быть внимателен к *голосу*. Если не обращать внимания на него, то тебе не помогут ни сила, ни ловкость. Во всём должна быть мера...

Вертящийся Енот хорошо обработал мою рану, и она быстро зажила. Я перестал хромать через несколько дней. Однако остаток пути до нашего селения я проделал на волокушах, которые соорудили специально для меня.

Мы были очень довольны тем походом. Празднование по поводу успешного рейда продолжалось несколько дней. Меня чествовали так, как никого никогда не чествовали на моей памяти. Это легко понять. Я совершал подвиг за подвигом, а мне было всего тринадцать зим.

Снятый скальп Псалока висел перед входом в нашу палатку очень долго...

Я ходил в походы часто, так как не мог устоять перед соблазном совершить новые подвиги. Я был молод и горяч. Меня обуревала жажда славы, желание занять самое видное место среди соплеменников. Мне нравилось танцевать под взглядами девушек, но всегда было мало их внимания, всегда оставалось неудовлетворение от похвал и почестей, которые оказывали мне друзья. Я ждал чего-то большего.

Сегодня мне не доставляет удовольствия вспоминать о моих боевых заслугах. Что я делал тогда? Я воровал лошадей и убивал врагов. Убивал столько, сколько мог. На моём счету было столько смертей, что негде стало развешивать скальпы убитых врагов. Перед входом в мой дом стояло десять шестов, густо увешанных человеческими волосами. От обилия скальпов эти шесты стали похожи на неведомых животных. Затем я перестал срезать волосы врагов. Они ничего не давали мне.

Однажды я повёл отряд в очередной рейд за лошадьми. Мы подкрались к самому лагерю врагов. И вдруг до меня долетел шорох: кто-то находился очень близко от меня.

Мой священный мешочек (вотаве) всегда предупреждал меня об опасности, я привык к тому, что он подсказывал мне, и вёл себя достаточно уверенно во всех ситуациях. В этот раз он совсем не отяжелел, и я смело шагнул вперёд, держа наготове нож. Кто-то очень быстро поднялся из высокой травы. Мне хватило одного удара, чтобы убить человека. Это оказалась женщина с ребёнком на руках. Её платье было поднято до самых бёдер, и я понял, что она ходила по нужде. Я бы забрал её ребёнка себе, но он умер сразу, стукнувшись головой о землю.

С того раза я перестал срезать скальпы.

Я просто сказал моим спутникам, что зарезал женщину с младенцем. Они остались довольны и причислили её к общему числу убитых нашим отрядом врагов. Во время рейдов любой поверженный неприятель, будь то мужчина, женщина или ребёнок, считался достойным того, чтобы гордиться его смертью. Но в сердце моём что-то изменилось в тот день. Я поте-

рял интерес к таким подвигам. В них не было мужества. Не знаю, почему я не думал об этом до того дня. Не знаю...

Больше я не отрезал никому голов. Если мне приходилось лишать кого-либо жизни, то лишь в бою. Я оставлял убитых нетронутыми. Любой из моих воинов мог забрать в качестве трофея волосы или всю голову сражённого мною врага. Но сам я ничего не брал, кроме оружия, если оно мне нравилось.

И всё же драться я любил, ведь я состязался силой с противником. Я не мог устоять перед возможностью проявить мою ловкость и доказать моё превосходство над всеми. Сейчас мне грустно думать об этом, но так было.

Однажды я облачился в женское платье, распустил волосы и вечером вошёл во вражеский стан. На спине я нёс охапку хвороста. Никому из них даже в голову не пришло, что под самым носом у них находился я – первый из воинов рода Куропатки! Мне было очень смешно смотреть на врагов.

Темнело. Я бросил хворост возле какой-то палатки и направился к лошадям. Я приглядел самых красивых из тех, что были привязаны у входа в жилища. Когда в лагере стихло, я спокойно отвязал пять лошадок и повёл их за собой. Никто не обратил на меня внимания. Только один человек заподозрил неладное. Возможно, одна из тех лошадей принадлежала ему, поэтому он и подошёл ко мне быстрыми шагами. Как же вытянулось его лицо, когда он обнаружил, что я вовсе не женщина, а мужчина из чужого племени! Он хотел позвать своих друзей, но не успел. Я пронзил ножом его горло и сразу запрыгнул на коня. Убитого мужчину обнаружили, должно быть, не сразу, поэтому погоня пустилась по моим следам слишком поздно и я успел ускакать очень далеко.

Таких забавных случаев со мной произошло много. О них мне вспоминать куда приятнее, чем о простых убийствах из засады.

Все считали меня смелым. Но смелость означает постоянную борьбу со страхом. Я не был смелым, я был безбоязненным. С какого-то момента страх просто умер во мне. Я говорю о страхе смерти. Я понял, что в жизни можно многое обойти стороной, можно не познать любви к женщине, дружбы, можно не иметь удачи на охоте, но нельзя обойти стороной смерть. Когда я осознал это, я перестал бояться её.

Да, на моих руках много крови. Но что я мог поделать? Я был молод и мечтал лишь о славе, ради которой готов был рисковать собственной жизнью. Это глупо. Я знаю, что это глупо. Однако это свойственно большинству молодых людей. Так было всегда. Так будет всегда. Молодёжь живёт страстью и порывами, не внимая голосу разума. И от этого моё сердце сжимается.

Водяной дух

Утро не предвещало ничего хорошего, потому что старый Клюв увидел во сне огромное речное чудовище, похожее на рыбу с рогами, и из-под жабр его валил дым.

– Оно стояло у нас на пути и громко чихало, – сообщил старик, задумчиво поморщившись. – Позади этого существа я видел деревянный дом, вокруг которого сидели люди со светлыми глазами.

– Бледнолицые?

– Да, племя Светлоглазых. Я не люблю их, так как я не понимаю слишком многого в их поведении. Иногда я даже думаю, что Бледнолицые вовсе не люди...

Клюв сокрушённо покачал головой, и привязанные к его уху четыре костяных колечка на длинных нитях негромко брякнули. Морщинистое лицо индейца обратилось к стоявшим вокруг него крепким юношам, и они увидели его открывшийся правый глаз. Обычно этот глаз был прикрыт широким веком, рассечённым в давние времена в схватке с Людьми-Из-Земляных-Домов, и казался мёртвым. Но сейчас он раскрылся, нижнее веко оттопырилось, показывая розовое нутро, и сделало правый глаз раза в полтора больше левого.

Некоторое время царило молчание. Молодые воины ждали решения старшего. На фоне сияющей белизны утреннего неба их застывшие фигуры смотрелись тёмными изваяниями, и лишь длинные волосы шевелились на ветру.

– Мы продолжим путь, – произнёс старик, подумав, и указал коричневой жилистой рукой в сторону не видимой ещё реки. – Чудовище ничего не сделало нам в моём сне. Но ваши глаза должны стать зорче, а слух и обоняние – острее.

Индейцы запрыгнули на лошадок, и через минуту все исчезли из виду. Лишь чёрное пятно золы на месте костра напоминало, что здесь были люди. Вскоре из-за кустарника, осторожно ступая мягкими лапами и принимаясь к человеческим следам, появился крупный волк. Потоптавшись на месте, он вдруг проворно повернулся и затрусил обратно, повинувшись одному ему слышному голосу.

А отряд индейцев из рода Куропатки двигался по склонам пологих холмов, привычно задерживаясь перед тем, как показаться на гребне, чтобы не обнаружить себя на фоне неба-свода, если поблизости окажется кто-то из врагов.

Первым скакал Медведь, пригнувшись к шее своего коня и что-то нащёптывая ему. Десять лет прошло с того дня, когда Медвежий Бык вручил ему нож и помог зарезать медведя. Теперь он был известным воином. Его кожаные ноговицы, как и спрятанная в сумке военная рубаха, были украшены длинными прядями волос, срезанными с врагов. На висевшем за спиной вместе с колчаном щите красовался рисунок чёрного медведя с длинными когтями.

Впереди засверкала на солнце широкая лента реки, обрамлённая густым лесом, когда Медведь остановил коня и тревожно помахал рукой тем, кто ехал позади. Всадники замерли, по-звериному наклонив головы. Клюв пристально посмотрел на остановившегося возле него круглолицего Смеётся-Молча. Старик не мог уже тягаться с молодыми остротой слуха и ждал от воина объяснений.

Они находились неподалёку от места слияния Лосиной и Бурной рек, где стояли, как рассказывали разведчики, жилища белых людей, огороженные деревянной стеной. Лакоты редко появлялись здесь, так как территория принадлежала враждебному племени Псалоков – Вороньих Людей, здесь же кочевали Хохе – Кипятящие Камни, считая эти земли своими. Лакоты пока лишь исследовали этот чудесный край, высылая военные и разведывательные отряды, подобные тому, который возглавлял старый Клюв.

– Шипит, – произнёс Медведь.

– Да, что-то шипит, – кивнули другие, – но очень далеко, стало быть, очень громко.

Тут один из индейцев издал возглас удивления и звонко шлёпнул себя по голым ягодичам, при этом длинная бахрома на его ноговицах заколыхалась. Все дружно проследили за его рукой.

Из-за далёкого поворота реки (в том месте её закрывали верхушки деревьев) двигался дым. Двигался прямо над рекой.

– Хо! – протянул Смеётся-Молча, вытягивая шею. – Дым плывёт по воде!

– Что за чудеса?

– Кто-то пустил по воде горящие деревья?

– Нет...

Так переговариваясь, отряд медленно направился к реке.

– Этот дым плывёт туда, где построены за деревянной стеной дома Светлоглазых.

– Бледнолицые наколдовали.

– Клюв не случайно видел сегодня чудовище, которое дымилось, – вспомнил Медведь.

– Да, – закивали остальные, не спуская глаз с поднимавшихся из-за зелёной чащи клубов...

Внезапно они увидели *это* и остановились, от изумления не в силах произнести ни звука. Внизу открывалось свободное от леса пространство, за которым просматривался огромный участок реки. По ней плыло, пыхтя и взбивая воду, нечто громадное с двумя высокими прямыми чёрными трубами, из которых валил густой дым.

– *Унктехи!* – воскликнул Клюв и разлепил своё изуродованное веко. – Водяной Дух!

– Я видел однажды, – произнёс медленно Три Пальца, впившись глазами в чудовище, – как Унктехи утянул под воду сразу восемь быков, но при этом сам не появился над водой и дым не пускал. Белая Выдра был тогда со мной. Он тоже видел.

– Те, кто живут на Священном Озере, говорят, что Водяной Дух телом похож на быка, но имеет хвост рыбы.

– Нет, – отрицательно покачал головой Клюв, – ты сам видишь, что на бизона он не похож, но рога у него есть.

В это мгновение дымящееся чудо несколько раз протяжно прогудело. Индейцы вздрогнули от неожиданности и переглянулись.

– Когда мы возвратимся в деревню, – заговорил Три Пальца, – и расскажем об этом, люди сложат о нас песню. Мы первые из нашего рода увидели Унктехи.

– Это не чудовище, – произнёс вдруг Медведь. – Я различаю на нём людей. Я думаю, что это большая лодка, о которой рассказывали наши южные братья с Плохой Реки. Они часто бывают там у Светлоглазых и торгуют с ними. Они говорили, что белые люди привозят много красивых вещей на большой лодке, которая плавает сама и пускает дым...

В ту же секунду лошади резко дёрнулись, испуганные раскатистым грохотом. Их хозяева тоже занервничали. И было с чего – плывущее чудовище окуталось белым облаком.

– Хей! Хей! – слышалось снизу, и вверх по лесистому склону с берега помчались всадники, которых индейцы из рода Куропатки, поглощённые невероятным зрелищем, не замечали до сих пор. Теперь они внезапно обнаружили не более чем в десяти метрах от себя Псалоков. Заклятые враги быстро приближались, то ныряя в глубокую тень, то вновь показываясь в ослепительных солнечных пятнах. Растерянность Лакотов была так велика, что лишь трое из них сообразили схватиться за колчаны. Но Псалоки тоже до настоящего момента, как было ясно по их лицам, не видели своих врагов. Теперь же, не останавливая коней, они делали знаки руками, что не собирались драться. Они промчались мимо на ярко раскрашенных лошадях, то и дело поглядывая через плечо на громяющее водяное существо. Люди Куропатки в замешательстве крутили головами, то провожая взглядом скрывшихся между деревьями воинов из враждебного племени, то посматривая на окутанную сизым дымом реку.

Приезд

Стоя среди пассажиров на борту колёсного парохода «Ассинибойн», Рэндал Скотт с заметным нетерпением следил за приближением берега. Частокол и бастионы увеличивались на глазах, и у толпившихся на причале людей уже стали различимы лица. В очередной раз приветственно бухнула пушка, вызывая почтительный восторг у многочисленных дикарей, которые сновали возле самой воды. Оживление царило невероятное и на пароходе, и на суше.

Рэндал Скотт расправил плечи.

Вот она, долгожданная цель – форт Юнион, один из главных пунктов торговли Американской Пушной Компании, куда стремились многие, чтобы сбыть или получить товар. Семьдесят пять дней пути от Сент-Луиса на борту плавучей посудины, шутка ли!

Рэндал прошёл по скрипящим мосткам, с удовольствием слушая, как они прогибались под его весом. Наконец-то! Он вступал в мир, где никто не знал его, где ему, правда, всё в новинку, но это ничуть не страшило Рэндала. Зато дурная репутация, огромные денежные долги и до предела натянутые с законом отношения остались далеко позади, за бесчисленными изгибами быстрой реки. Отныне ничто не властвовало над ним, кроме Господина Великого Случая. А уж Рэндал Скотт не даст ему повернуться к себе спиной...

Скотт сбросил с плеча увесистую сумку, стряхнул пыль с сюртука и машинально проверил наличие пистолета за поясом и кошелек в нагрудном кармане. Вокруг сновали люди: охотники, торговцы, клерки, просто зеваки. Мелькала разномастная одежда: синие суконные костюмы шагали в обнимку с замшевыми куртками, за мягкой бахромой и кожаными шнурами поблёскивали начищенные медные пуговицы на чёрной фланели, среди расшитых мокасин то и дело встречались словно облитые лаком башмаки, надетые специально в этот торжественный день 24 июня 1833 года – долгожданный день прибытия в форт Юнион колёсного парохода. Народ пестрел живописными кучками повсюду, самые разные лица возникали перед Рэндалом. Здесь были любые типажи, какие только мог представить человеческий ум. Не было лишь женщин.

Внутри крепости располагались всевозможные конторы, магазины и склады. Возле конюшни и хлева громко и весело перекрикивались люди в тёмных от пота рубашках, звонко стучал одинокий молоток. В центре укрепления возвышался флагшток, рядом стояли три конусообразные палатки, хозяева которых, очевидно, ушли на берег поглазеть на пароход и приобрести к всеобщему возбуждению. Рэндал подтащил свою сумку к стоящей перед палатками пушке (ствол её смотрел в сторону главных ворот) и сладко потянулся.

– Здравствуй, жизнь! – пропел он и увидел высоко над собой чарующий лазурный простор. – Моё сердце сейчас кажется мне таким же щедрым и огромным, как небо над головой...

Нет, он не принадлежал к числу романтиков, не гипнотическая красота гор и озёр заманила его на Дальний Запад, но Рэндал Скотт, этот закоренелый циник тридцати пяти лет, не мог не ощутить всей прелести окружавшего его мира.

Люди, которых он увидел, сойдя с парохода и оставив позади монотонное шипение его машин, сразу показались ему существами особого сорта. С одной стороны, они широко улыбались и в улыбках их чувствовалось откровенное радушие. С другой стороны, лица их при этом оставались суровыми, всеми чертами своими выражая непоколебимую решимость переломить хребет всякому, кто осмелился бы вдруг встать на их пути.

Вечером подавляющее большинство населения форта потянулось в лавки и бары, где торговали спиртным. Надо сказать, что основные питейные заведения там представляли собой просто брезентовые навесы с парочкой грубо сколоченных столов под ними. Но даже там уютно светили керосиновые фонари, слышался смех, гудела мошара. А из-за дверей единственного

настоящего салуна, где цены были чуть выше и обыкновенно размещались картёжники, доносились пиликанье двух скрипок под аккомпанемент гармошки.

Рэндал успел приобрести у длинноволосого полукровки красивого чёрного жеребца и у того же метиса купил себе ночлег в индейской палатке, заваленной пахучими шкурами, предназначенными для продажи. Индейский лагерь вокруг форта Юнион был огромен. Он начинался от самого берега Миссури и тянулся далеко на равнины. В любом случае, стойбище насчитывало не менее полутора сотен жилищ. Конусы палаток светились изнутри красно-жёлтым огнём и, уходя вдаль, были похожи на рассыпавшиеся по земле звёзды. Слышалось индейское пение под монотонный стук бубна.

Рэндал сел за карточный стол и втянул носом плавающий вокруг головы густой табачный дым. Карточный стол мгновенно пробудил в нём дух шулера, который во время плавания отсыпался после долгого бегства от правосудия. Рэндал хрустнул пальцами. Он видел хитрый прищур партнёров по игре, их потрескавшиеся губы, могучие руки с рельефными венами. И ещё он чувствовал воздух, чужой воздух незнакомой страны, раскинувшейся за стенами крепости. Рэндал понимал, что играть нужно честно, по крайней мере, сегодня... Но передёрнул, и его тут же схватили за руку – играли люди зоркие, играли для удовольствия, а не ради обмана...

– Что я вижу? – прозвучал с французским акцентом густой бас.

Рэндал инстинктивно рванулся, пытаясь высвободить руку, резко вскочил на ноги и увидел мелькнувшую перед собой тень, которая на мгновение перекрыла свет керосиновой лампы и звонким ударом в скулу свалила его на спину. Падая, он задел ногами и опрокинул стол. Белыми мотыльками вспыхнули под лампой разлетевшиеся карты.

И тут грянул выстрел. Рэндал услышал его откуда-то из-под себя, не успев осознать, что это он сам выдернул из-за пояса «коллиер»⁴ и спустил курок. Пуля вжикнула под потолком, и помещение наполнилось едким дымом.

Дальше Рэндал смутно запомнил, как некая сила вынесла его из салуна в темноту ночи, оставив сизые пороховые клубы позади. Там грубо кричали, топали ногами, гремели стульями. В считанные секунды он оказался за пределами крепости среди индейских жилищ. Стремительно передвигаясь на полусогнутых ногах и оглядываясь, он добрался до своего ночлега, проворно схватил вещевую сумку и, взяв коня под уздцы, бегом повёл его прочь от частокола.

– Возле самого уха просвистела! – донеслись голоса. – Вот скунсова шкура!

– Кто он? С парохода?

– Я буду не я, если не заставлю его сожрать собственное дерьмо!

– Утром доберусь до этой свиньи и удавлю! Прибью, как крысу, которой сегодня в сарае отрубил башку.

– Опять крысы завелись?

– Ещё какие! Не крысы, а просто буйволы, разорви их черти...⁵

⁴ Английский барабанный револьвер с кремневым замком системы Коллиера производства 1818 года был одним из первых образцов барабанного оружия личного пользования.

⁵ Присутствие крыс доставляло огромные хлопоты обитателям торговых постов. Вот несколько записей из дневника форта Кларк, которые ярко свидетельствуют о постоянной борьбе с крысами: «Среда, 31 декабря 1834, общее число убитых крыс за этот месяц – 34... Понедельник, 5 января 1835, прошлой ночью было много крыс, убили сразу 18 тварей... Пятница, 31 июля 1835, общее число крыс, убитых в этом месяце, – 88». В журнале форта Скалистых Гор запись от 20 октября 1799 года гласит: «Крысы пожирают всё, до чего могут добраться». Генри Боллер, рассказывая о форте Кларк и его соседе форте Примо, сообщает: «Как форт, так как и сама деревня просто наводнены крысами, что доставляет огромное неудобство всем обитателям, краснокожим и белым» (из книги «Восемь лет на Дальнем Западе, 1858—1866»). В связи распространением крыс огромную ценность стали представлять кошки. Дневник форта Пьер, запись от 7 апреля 1846 года: «Прибыли Кэррон и Морин. Посланные с ними вещи все в полном порядке, за исключением двух кошек, которые утонули в L'eau qui Court по недосмотру людей. Я думаю, что с них следует содрать за это хорошую плату. Я также прошу вас выслать мне новых кошек при первой возможности». Принц Максимилиан, прибыв в форт Кларк, в первую очередь обратил внимание на огромное число крыс, населявших это место: «В форте имелось несколько кошек, но их явно было недостаточно, чтобы справиться с тамошними крысами. Эти животные (северные крысы) были столь многочисленны и беспокойны, что не нашлось бы ни одного вида провизии, который уберётся бы от их прожорливости. Самым любимым их лакомством была кукуруза, ежедневно они поглощали до пяти бушелей

Несколько сидевших около частокола индейцев, озарённые отблесками костра, проводили Рэндала поднятыми бровями, но остались сидеть, скрестив ноги. Крики и суэта за спиной постепенно утихли, но Рэндал Скотт не останавливался.

Индейский лагерь около форта оказался невероятно огромен. Рэндал Скотт шёл по нему, как по настоящему городу. Отовсюду слышалась непонятная речь, кое-где стучали барабаны. Внезапно на пути у него оказались несколько индейцев и бородатый белый человек в заношенной до дыр кожаной куртке. Они были полны спокойствия и курили длинную трубку. При появлении Рэндала они равнодушно посмотрели на него, но не двинулись с места. Он замедлил шаг и обошёл их стороной, не спуская глаз с бородача. Это был широколицый мужчина, очень старый и очень сильный, что было видно по его здоровенной жилистой шее, поднимавшейся из засаленного воротника, будто кряжистый древесный столб.

– Если это ты устроил шум в крепости, – проговорил вдруг бородач, не поворачивая головы, – то мне нет до этого никакого дела. Можешь не опасаться ни моих кулаков, ни моего ружья. Покуда ты не наступишь на мои мозоли, я не трону тебя. Если хочешь перекусить, то присаживайся здесь.

– Благодарю.

– Не знаю, кто ты таков и куда направляешь стопы, – продолжал бородач, выразительно шевеля ноздрями, – но твёрдо знаю, что в такую безлунную ночь лучше оставаться среди людей. Если ты присоединишься к нашей трубке, незнакомец, то это придаст мне уверенности в том, что ты не намерен совершить никакой гнусности, сидя возле нашего костра...

– У меня и в мыслях не было...

– Трубка убедит меня сильнее, – ухмыльнулся бородач.

– В какую сторону мне лучше отправиться завтра? – поспешил спросить Рэндал после первой затяжки.

– В любую. Зависит от того, куда тебе надо.

– Мне никуда не надо.

– Тогда оставайся здесь.

Рэндал с сомнением оглянулся на крепостные стены и покачал головой.

– Ты никого не напиговал там кусками свинца? – любопытствовал бородач почти равнодушным тоном.

– Кажется, нет. Но за мной погнались.

– Здесь все за кем-нибудь гоняются. Ерундовая передряга, такая склока не стоит и пустякового разговора. Ха-ха! Помню, когда я впервые появился на Миссури лет тридцать тому назад, я умудрился в первый же день пристрелить вождя индейцев, в деревне которых нашёл приют. Вот это была переделка! И то я выкрутился, как видишь. Между прочим, вот этот парень, – бородач указал косматой головой на сидевшего справа от него худого индейца с татуированным подбородком, – мой сын и внук того вождя, которого я уложил. А пару лет спустя я взял в жёны осиротевшую дочь вождя, и она родила мне сына, дочь, затем ещё троих сыновей. Этот младший. Ха-ха! Вот такие здесь извилистые тропы, дружище...

– Где же жена?

– Умерла, – развёл руками бородач. – Все когда-нибудь умирают. А на открытой природе это случается особенно часто. Здесь очень много когтей, клыков, ножей и прочей опасной дряни...

зерна, то есть 250 фунтов... Крысы приплыли сюда на пароходах. До сих пор они не добрались до деревень племени Хидатса. Индейцы убили нескольких животных в открытой прерии по дороге из форта Кларк. С тех пор крысы не пытались дойти до Хидатсов. Но как знать, надолго ли индейцы отбили у них охоту».

Рэндал Скотт

(из дневника)

25 июня 1833

Когда-нибудь моя несдержанность погубит меня. Вчера я едва не застрелил банкoméта за игровым столом. Нелепо и глупо!

У меня опять нет крова над головой. Позади может объявиться погоня, хотя старик, с которым я разговорился ночью, убеждал меня, что мне не угрожает ровным счётом ничего, разве что пара добрых затрещин. И всё же я решил скрыться, так как отчётливо слышал слова одного из тех, кто припустился за мной. Он сказал, что отрубит мне голову, как вонючей крысе. Перспектива малоприятная, пусть даже слова про крысу были расхожей местной шуткой...

26 июня

Сегодня повстречал странного вида человека в большом фургоне. Он назвался Кейтом Мэлбрэдом. На вид ему лет сорок. Небольшого росточка, рыжеватый. Облачён в старую холщовую рубашу, давно полинявшую, и кожаные штанины на индейский манер (это когда одеты только ноги, а задницу и причинное место прикрывает скомканная набедренная повязка, то есть ягодицы остаются голыми и сверкают на солнце). Голову его украшает сильно испачканный цилиндр. К цилиндру сзади прицеплена длинная кожаная лента, расшитая бисером; она ниспадает почти до середины спины – на мой взгляд, бессмысленная и неудобная штука, как, впрочем, и любые другие украшения.

Кейт Мэлбрэд называет себя торговцем. В его повозке действительно полным-полно всяческого барахла. Тут порох, свинец, кремнёвые ударники, топоры, ножи, яркие ткани, рыболовные крючки, зеркала, бусы и даже коробка с перьями обыкновенного домашнего петуха. Он говорит, что года три уже выменивает у дикарей пушнину на эти товары. Здесь множество племён, и ни об одном из них я ничего раньше не слышал. Кейт умеет немного разговаривать на кое-каких диалектах, но чаще пользуется языком знаков, как он его называет.

Сегодня же мы переправились на пароме на противоположный берег. Кейт считает, что на той стороне, где стоит форт Юнион, торговцу, как он, делать нечего, потому что краснокожие с того берега сами легко добираются до товаров белых людей. Мэлбрэда интересуют отдалённые племена, которых французские торговцы нарекли когда-то *Сю*⁶. С тех пор все так

⁶ *S i o u x* – французское написание слова, взятого из диалекта Алгонкинов, и произносится оно как *Сю*. Во второй половине 1600-х годов племена Алгонкинов штата Висконсин, возглавляемые племенем Оттава, начали предпринимать активные попытки с целью изгнать Дакотов с земель, которые считали своими. Единственными союзниками Дакотов в те годы были Оджибвеи Верхнего Озера и индейцы-Айовы той территории, которая сегодня называется штатом Айова. Однако прошло время, и Оттавы сумели возбудить в Оджибвеях вражду к Дакотам. В дополнение к этому англичане установили свои торговые посты на берегах Гудзонова залива, где Ассинибойны и Кри стали приобретать огнестрельное оружие и принялись наносить по Дакотам мощные удары с севера, в то время как Алгонкины и Иллинойсы нападали с юга. Дакоты начали своё переселение на запад. Устная традиция утверждает, что Айовы (до того, как сделаться союзниками Дакотов) тоже были изгнаны с берегов реки Миннесота. Вместе с Айовами на запад отправилось и племя Ото. Именно Оттавы первоначально называли их – *Надоуэссиюак*, то есть «враги». Отец Андрэ в «Отчётах иезуитов за 1676 год» относил название *Надоуэсси-Маскоутен* (то есть Надоуэсси, которые проживают в прерии) к племени Айовов. Большинство других иезуитов в 1660—1690 годах называли словом *Надоуэсси-Маскоутен* как Отов, так и Айовов. В разговорной речи наименование *Надоуэсси* сократилось до короткого *Сю*. Мало-помалу это название стали относить и к Дакотам, перебравшимся из Миннесоты в прерии и ставшим не только соседями Айовов, но и союзниками. Название Сю стало относиться к целой группе враждебных племён. Численность прерийных Дакотов неуклонно возрастала, и мало-помалу они стали безраздельными хозяевами огромной степи. Айовы, к которым французы первоначально прилепили имя Сю, ушли в тень, а название осталось за Дакотами. Через каких-нибудь пятьдесят лет никто из нового поколения белых переселенцев уже не называл Дакотов иначе как Сю.

и называют этих дикарей, хотя никто не знает, что это означает. От него я узнал, что торговля на землях индейцев может вестись лишь с разрешения правительства, а продажа спиртного запрещена вообще⁷. Конечно, крепкие напитки всё равно попадают к индейцам, благодаря «вольным» торговцам, которые ищут места, где их не застукают правительственные агенты. Кейт Мэлбрэд как раз из таких.

Любопытно, что меня ожидает впереди? Похоже, спокойной жизни не предвидится, раз повсюду шныряют краснокожие.

30 июня 1833

Проезжали сквозь заброшенную индейскую деревню. На земле ясно выделялись круговые следы на местах, где раньше стояли жилища. Я подошёл вплотную к единственному оставленному каркасу индейского жилья. Множество составленных шестов образовывало конус, который был почти наполовину обложен дубовой корой. Кора кишела блохами. Посреди этого вигвама, как и на других местах, где стояли палатки, чернело кострище, обложенное камнями. Кейт назвал это очагом.

Позади этого конусообразного скелета возвышались три помоста футов в десять вышиной, где виднелись кособокие ящики из древесной коры. Вверх и вниз по брёвнам, на которых крепились помосты, струились бесчисленные муравьи. Мэлбрэд сказал, что в ящиках лежали покойники. Между этими погребальными сооружениями торчал высокий согнувшийся шест с большим кожаным свёртком наверху. Из него высовывался пучок травы и свисали на длинных нитях непонятные мелкие предметы, которые покачивались при малейшем дуновении ветра и постукивали друг о друга. Возле шеста на земле полукругом лежало несколько стрел красного цвета и скелет собаки.

Кладбище произвело на меня тягостное впечатление. Особенно сильно повлияло то, что было непонятным и потому таинственным – странный свёрток и побрякушки возле него. Подкралось ощущение опасности. Я осознал, что это чужой мир, что законы его мне не известны, что договориться (в случае необходимости) с людьми, о которых я не имею даже малейшего представления, я не сумею.

Теперь мне весьма неуютно. Лучше бы я остался в форте и как-нибудь уладил недоразумение в салуне, пусть даже мне пришлось выложить все деньги в качестве штрафа за нарушение порядка и отказаться от игры в карты на месяц и даже год.

2 июля

Опять проезжали мимо погребальных помостов, на которых виднелись человеческие кости. Вероятно, захоронения очень старые, плоть и одежда разложились или их склевали птицы. У основания шестов лежали пожелтевшие кости, возможно человеческие, которые упали с погребального ложа, но могли быть и останки животных, так как я видел несколько больших черепов, похоже лошадиных. Кейт уверяет, что дикари нередко забивают своих лошадей и подвешивают их головы на помосте. Кейт также утверждает, что краснокожие частенько закапывают покойников по пояс в землю, повернув их лицом на восток, и так оставляют их до разложения. Страшная дикость!

Создаётся впечатление, что эта страна переполнена могилами.

10 июля

⁷ С июля 1832 года было строго запрещено иметь при себе, выезжая на территорию индейцев, спиртные напитки не только для продажи, но даже для личного пользования. Это было связано с тем, что индейцы приходили в крайне возбуждённое, практически неконтролируемое состояние из-за опьянения. Многие настолько пристрастились к горячительным напиткам, что отказывались вести торговлю, если им не продавали спиртное, и готовы были нападать на торговцев, чтобы силой отобрать у них желанный хмельной товар.

Видел буйволов. Они брели по дальним холмам и были похожи на чёрные точки, набрызганные на склонах; эти точки сливались в пятна, а пятна – в единую тёмную массу. Никогда не представлял, что стада бывают столь многочисленны. Я предложил Кейту устроить охоту, но он ворчливо отказал мне, не желая распрягать своих мулов для этого дела, и сказал, что нам вдоволь хватит мяса подстреленной вчера антилопы. Он считает, что лучше пораньше добраться до цели и там уже поохотиться вместе с дикарями, если мне этого так уж хочется.

Должно быть, он прав. Просто меня одолевает нетерпение. Никогда не думал, что захочу потрогать руками всё, что увижу здесь. Взять для примера буйволов. Я твёрдо знаю, что не раз увижу охоту на этих исполинов и сам приму участие в ней. Но здешние просторы, безбрежность, приволье – всё вселяет в сердце восторг и жажду деятельности. Потому-то и хочется погнаться за быками, испытать азарт первобытного охотника в первобытной стране.

Удивительно, насколько близость природы способна менять восприятие мира! Ещё вчера я был отъявленным картёжником, пространство игрового стола заполняло меня целиком. Я не видел и не желал видеть ничего, кроме карт. Я был наполнен только картами. Не выигрыш интересовал меня, но игра, исключительно игра, ожидание успеха или неудачи, постоянное напряжение, трепет. И вот несколько дней на просторной груди прерии вытравили эту любовь к картам, превратили её в пыль, и здешний непрекращающийся ветер развеял её! Я не могу в это поверить, но это так! Жажда играть исчезла.

Впрочем, нет, не исчезла. Надо быть честным перед самим собой. Просто я готов играть во что-то иное, совершенно новое для меня. Отныне мой игровой стол – прерия. Но что за расклад намечается здесь?

11 июля

День сегодня рассветал великолепно. Тянул прохладный ветерок, трава колыбалась умиротворённо. Как-то сразу забылись все неудобства дороги по шероховатым пригоркам и лесистым долинам. Вчера к вечеру мы добрались до речки, через которую никак не могли перебраться, долго двигаясь вдоль русла. Лошади с величайшим усилием переставляли ноги, вытаскивая копыта из заросшего корнями дна. В конце концов мы переправились на эту сторону и сразу стали лагерем.

Надо заметить, что Великие Равнины выглядят теперь совсем не так, как казались мне с борта парохода. Тогда я видел много зелени, что вполне естественно, ибо я поднимался по реке. Теперь же прерии представляют собой сплошной жёлтый ковёр. Высокая трава беспощадно выжжена солнцем. Отдельно стоящий тополь или рощица сразу бросаются в глаза, их зелёные кроны прекрасно видны на фоне жёлтой травы.

Кейт, по обыкновению, поднялся раньше меня и уже готовил кофе. Кофе он, как водится, делает на здешний манер, то есть жарит на сковородке как попало и варит на речной или дождевой воде в единственном нашем котелке. То есть котелков у него в фургоне насчитывается ещё штук шесть, а то и больше. Но он не прикасается к ним, приберегая эти блестящие посуды для торговли с дикарями.

Схватка

Индейцы спешили и опустились в высокую траву, разложив каждый возле себя сумки с головными уборами, краску в мешочках и зачехлённое оружие... Несколько минут назад возвратились высланные вперёд разведчики и сообщили о небольшом вражеском отряде. Люди Куропатки прикинули, когда противник окажется в непосредственной близости, и неторопливо начали готовиться к битве. Руки зачерпнули краску. Теперь их лица потеряют собственные черты, и злые духи не сумеют распознать их, если кто-то из воинов погибнет и они пожелают утащить погибших в подземную страну. Многие полностью покрывали свои лица густым слоем: кто синим, кто жёлтым, кто белым. Некоторые раскрашивали лицо пополам разными цветами. У каждого был свой собственный принцип, соответствовавший его внутреннему голосу. Грудь, живот, руки и ноги тоже покрывались узорами, согласно повелению духа-охранителя. Раскраска должна была не только пугать врага. Каждое новое лицо, наложенное поверх настоящего, обязательно хранило в себе скрытую силу, которая оберегала воина от вражеских стрел.

Медведь надел на голову маску своего защитника, клыки которой свисали низко над его бровями. К левому медвежьему уху были приторочены два ястребиных пера. Лицо Медведя было сплошь покрыто синим цветом, кроме носа, губ и нижней челюсти...

Неожиданно для всех Клюв поднял руку вверх и сказал:

– Я сегодня умру. У наших врагов силы больше, чем у нас. У них есть *летающее железо* белых людей. Вы не старайтесь одолеть их, но я должен сразить их вожака. Сейчас я исполню мою похоронную песнь, а вы окурите меня дымом душистой травы.

– Почему ты думаешь, что у них есть летающее железо? – спросил удивленно Три Пальца.

– Я знаю, мне было видение, – тихо проговорил Клюв, не открывая глаз и не поднимая головы. – Только Медведь может принять участие в битве. Он ни разу во время нашего похода не оглянулся назад, поэтому ни один из коварных духов не смог зацепиться за его взгляд и последовать за ним. Он спал только под своим собственным покрывалом, и злой дух не просочился незаметно в тело ночью и не принёс ему чужой слабости, которая есть в каждом из нас. А некоторые из вас пользовались общей накидкой. И ещё... У Медведя сильный охранитель. Я не знаю, кто это, но редкий боец получает такую защиту. Медведь может принять участие в этом бою. Остальные должны только пугать врага...

Прошло не более получаса, и индейцы, сдерживая лошадок, въехали на холм, держась в одну линию. Вражеский отряд должен был уже приблизиться к противоположному склону. Клюв издал гортанный возглас, и покрытые яркой краской всадники дружно перевалили через гребень холма. Метрах в ста от них неторопливо скакали Псалоки – Вороньи Люди. Как и Куропаток, их было десять человек, все крепко сложенные, уверенные в себе после удачного набега на чей-то лагерь. Они были облачены в торжественные наряды и выкрасили лица в чёрный цвет. Перед ними двигался табун голов в пятьдесят, и эти-то лошади помешали отряду Клюва совершить молниеносное нападение. Табун закружился на месте, испуганный громкими криками нападающих.

Клюв бешено колотил метавшихся вокруг него чужих лошадей и пробивался к всаднику в пышном головном уборе, длинный шлейф которого извивался почти у самой земли при каждом резком движении коня. Этот наездник с громким криком вскинул над головой обе руки, и на солнце вспыхнуло начищенное длинноствольное ружьё. Из-за спины вожака резво вылетел и вздыбил горячего коня воин, на голове которого сидело чучело сокола с расправленными крыльями. Он держал ружьё уже направленным на Куропаток, и через секунду громко прозвучал выстрел, разливая вокруг дикаря волны сизого дыма. Кто-то справа от Клюва охнул и тяжело накренился, едва удерживаясь верхом. Клюв мельком взглянул на раненого сопле-

менника и снова обратился взором к врагу в громадном уборе. Перед его глазами стояли руки в чёрной краске, жирные следы от которой отпечатывались на блестящем ружейном стволе, пока индеец подносил приклад к плечу. Мгновение растянулось в вечность. Вот бездонное жерло ствола поравнялось с глазами Клюва, теперь по инерции опустилось немного ниже. И вот опять мир взбесился, копыта оглушительно ударили по земле. В лицо Клюву брызнул огонь. Близкий выстрел ударил по ушам. В доли секунды панораму заволокло густым дымом. Клюв ощутил, как часть его тела словно отстала от него, словно потерялась. Затем под самым горлом стало жарко. Со стороны он увидел, что сидел на коне очень криво, сильно откинувшись назад и глядя вверх. И тогда Клюв пронзительно закричал. Этим безумным криком он, словно верёвкой, потащил себя из пучины смерти, стиснул рукой палицу с тремя лезвиями на конце и, едва прорвавшись сквозь пороховой дым, очутился вплотную к вожаку Псалоков. Занесенное острое оружие стремительно опустилось на врага и тремя своими стальными зубами впилося в горячую плоть.

Медведь увидел, как Клюв воткнул могучую палицу в спину всадника с ружьём и, падая с коня, увлёк за собой врага с перебитым хребтом.

Из поднявшейся пыли вынырнул стройный человек чёрного цвета. Прилаженный к его голове рогатый скаल्प бизона тянулся шерстью вниз по спине и словно вращался в кожу человека. Всадник легко сидел на лоснящемся смоляном жеребце и гарцевал перед Медведем. В руке его было длинное копье с болтающимися прядями волос возле наконечника и множеством мелких шкур, подвязанных вдоль древка. Всадник оглянулся, на сплошь чёрном лице его вспыхнули глаза и прорисовался белоснежный оскал зубов.

Медведь направил к нему своего коня, и Медвежий Бык, а это был он, довольно покачал головой, как делает это иногда настоящий косолапый зверь, открыв пасть и кивая своей мохнатой мордой. Затем всадник сорвался с места, сделавшись мутной тенью. Он наклонил рогатую голову так низко, что она слилась с головой вороного коня, и на мгновение Медведю, единственному человеку, кому был виден на поле боя чёрный всадник, почудилось, что его покровитель обратился в громадного быка.

Индеец вскинул лук, положил на тетиву стрелу, зажал зубами ещё три, чтобы не тратить время на поиски стрел в колчане, и помчался следом за всадником-тенью. Он увидел, как тот ткнул ближайшего из Псалоков своим длинным копьем и поскакал дальше. Медведь пустил стрелу, и свалил врага, которого наметил для него Медвежий Бык. А тот остановился возле мёртвого Клюва и ждал. Медведь осадил лошадь прямо на том месте, где топтался в траве призрачный конь. Легко подхватив тело старика, он положил его перед собой и помчался было в сторону своего отряда. Но чёрная тень снова исполнила перед ним свой таинственный танец. В траве блестело ружье мёртвого Псалока, и Медведь должен был взять его. Он подхватил оружие, не останавливая своего скакуна, сильно свесившись и придерживая рукой тело Клюва. За его спиной послышался предупредительный возглас. Медведь обернулся и совсем близко от себя увидел плечистого воина на пятнистой лошадке, шея и круп которой были сплошь покрыты красными отпечатками рук. Воин держал в одной руке копье, а в другой – небольшой шест, украшенный по всей длине перьями ястреба и чучелом совы на верхнем конце.

Медведь натянул тетиву и едва успел отпустить стрелу, как густая тень Медвежьего Быка ударила в сердце всадника с жезлом, и туда же вонзилась пущенная воином Куропатки стрела.

Продолжая устрашающе кричать, отряды разъехались в стороны. Медведь, изо всех сил напрягая горло, изрыгал проклятия в адрес своих врагов и угрожающе поднимал над собой подобранное ружье.

Со стороны Псалоков хлопнул ещё один выстрел, и Лакоты поскакали прочь.

Мато Уитко

(его собственные слова)

Ворона. Эту птицу почитали многие племена. Наши друзья Шайёлы наградили именами этих птиц один из народов, который жил севернее нас, в красивой стране, где много снежных гор. В этих людях действительно было что-то птичье. Мы называли это племя – Псалока.

С Вороньим Племенем мы враждовали давно. А в те годы война с ними была основным нашим делом, потому что мы каждый год проникали всё глубже в их страну. Нас, Лакотов, было гораздо больше, чем Псалоков, и мы нуждались в новых пастбищах для наших огромных табунов. Их воины славно бились с нами, если наши отряды не слишком превышали их числом. Они были достойными противниками.

Но когда Лакоты впервые появились в стране Псалоков, а это было очень-очень давно, то все наши погибли. Тридцать человек из общества Бешеных Псов остались лежать в чужом краю. Тогда многие наши отряды собрались вместе – Сеющие Возле Воды, Разрозненные, Дважды Кипящие – и отправились в страну Псалоков. Я слышал в детстве от стариков, что был жаркий бой. Наши сумели разгромить целый лагерь Псалоков и очень многих взяли в плен. С тех пор между нами постоянная война...

Да, они были умелыми бойцами, и мы помнили все схватки с ними. Вам, белым людям, это может показаться странным, но мы нередко вели счёт годам именно по важности, которую мы придавали тому или иному военному столкновению с Псалоками. То лето осталось в нашей памяти, как Год-Когда-Клюв-Храбро-Зарубил-Военного-Вождя-Псалоков. У других родовых групп шло своё исчисление времени, они праздновали свои победы и оплакивали свои потери. Но случались события, важные для всего нашего народа, для всех Лакотов. Тогда в календарь племени попадали гораздо более серьёзные случаи. Так появился Год-Когда-Множество-Людей-Скончалось-В-Судорогах, или Зима-Когда-Звёзды-Падали, или Зима-Когда-Уничтожена-Деревня-Змей. Это запомнилось многим, это потрясло многих.

Сегодня вокруг меня ничего не происходит. Один за другим умирают те, с кем я провёл долгую жизнь, и я должен класть их в землю, как мне велют белые начальники в агентстве. Я не могу положить умерших высоко на помост, чтобы ветер, солнце и дождь превратили мёртвую плоть в ничто. И меня тоже, когда в последний раз закроются мои полуслепые глаза, заколотят в деревянный ящик, опустят в яму и придавят камнем. И я не могу ничего поделать. Я стар и слаб. Но раньше меня наполняла сила. Я готов был драться без отдыха.

В день смерти Клюва нас всех охватила печаль, сердца наши сжимались от отчаяния.

Клюв был наставником многих юношей нашего отряда, поэтому они упрямо твердили, чтобы мы везли тело погибшего к нашей деревне. Если бы Клюв скончался в лагере, то родственники обязательно облачили бы его в богато расшитую рубаху, завернули бы в шкуры и подвесили бы на высоких шестах. Но погибших в сражении, если путь домой не близок, принято хоронить там, где они умерли. Поэтому Хромой Волк и Красная Куница, как самые старшие среди нас, приняли решение оставить его здесь. Мы лишь перевезли его тело к крутому склону лесистой горы и там соорудили небольшой настил из веток, закрепив его на раскидном дереве, которое нависало могучим стволом над каменистой ложиной. Мы густо выкрасили лицо и руки Клюва красной охрой. На помосте по обе стороны тела уложили всё его оружие. Щит закрепили около головы. У основания дерева мы установили небольшой навес, под которым могли бы устроиться родственники, когда приедут оплакивать его. После этого мы перерезали горло коню, на котором Клюв сидел во время боя, и положили его на землю

под самым помостом. Я зачерпнул набежавшей крови и обмазал ею корни дерева. Три Пальца насыпал вокруг дерева табак.

Затем мы уехали. Самым последним двигался Смеётся-Молча и приглядывал за Синей Рукой, которого мы уложили на волокуши, так как во время боя пуля пробила ему бедро.

Два раза поднималось после этого солнце, и вдруг мы увидели большую повозку с двумя белыми людьми, которые сидели на ней, высоко взобравшись на какие-то мешки и ящики. Те немногие Бледнолицые, что появлялись в наших краях, обычно пользовались выючными лошадьми. А повозка была для нас невидалью.

Да, мы редко встречали Светлоглазых в те годы. Мы больше слышали о них. Но один раз я видел белых торговцев, когда ездил на юг к нашим родственникам, которые кочевали в районе Реки Раковин. Там, где её воды вливались в Бурную Реку, стояла бревенчатая крепость, куда Лакоты приезжали иногда торговать.

Теперь люди с белой кожей появились в нашей стране. Мы удивились, увидев тех двоих. Кровь сразу вскипела в нас. Нам никогда ещё не доводилось сражаться с белыми людьми, потому что они не мешали нам. Но в этот раз мы схватились за луки и дубинки. Мы жаждали мести. Клюв запретил нам драться с теми Псалоканами, но никто не сказал, что мы не могли убить Светлоглазых.

Мои друзья распаляли себя громкими криками и заставляли коней вертеться на месте, передавая им своё возбуждение. Хромой Волк воздел руки к плывущим над нами облакам и затянул песню храброго.

Я вскинул ладонь к длинным клыкам моей медвежьей маски и проткнул ими кожу на тыльной стороне руки.

– О, брат мой Медведь, сделай так, чтобы летящее железо Светлоглазых не причинило нам вреда. Мы потеряли хорошего человека. Мы уже не сможем называться победителями, когда возвратимся в деревню. Помогите нам, брат мой! – такие слова говорил я, пока медвежьи клыки распарывали мне руку.

Тут вперёд бросился Три Пальца. Он низко пригнулся к шее своей лошади, и белые люди не могли попасть в него. Но они сразу застрелили его пони. Мне казалось, что они не хотели воевать, они смотрелись растерянными. Один из них носил высокую шляпу с длинной красивой лентой позади, он что-то кричал нам. Но мы уже начали бой. Мы уже летели бок о бок с Духом Смерти.

Красная Куница заехал со стороны и тремя стрелами убил человека в высокой шляпе. Второй Бледнолицый в это время что-то делал со своим оружием. Я остановился прямо перед ним и уже натянул тетиву, но белого человека внезапно загрозила чёрная рогатая тень Медвежьего Быка.

– Остановись! Ты должен спасти этого Светлоглазого! – крикнул мне мой покровитель.

Чужак

Ближайший к фургону всадник был облачён в перьевой головной убор, похожий на колышущуюся корону. Надетый на руку круглый щит был с красной окантовкой из купленного или украденного где-то сукна и трепетал привязанными к нему орлиными перьями. Рядом с ним скакал индеец, поверх головы которого лежала медвежья морда, и клыки её нависали прямо над глазами дикаря. Следом за ними разворачивались веером другие длинноволосые наездники. Рэндал Скотт успел заметить, что у некоторых с плеч на грудь спускались лисьи шкуры, лапки которых были ярко разукрашены, а на лисьих мордочках болтались пучки вороньих перьев.

– Не стреляй! – крикнул Кейт Мэлбрэд, быстро взглянув на Рэндала, и вскинул обе руки вверх, показывая краснокожим пустые ладони. – Это Воины Лисицы⁸, с ними лучше по-хорошему...

В тот же миг с пугающим свистом над самой головой Рэндала проскользнули две стрелы. Через секунду ещё одна гулко воткнулась в борт фургона. Краем глаза Скотт заметил, как она мелко задрожала оперением, впившись острым наконечником в пыльную доску. Намерения дикарей не оставляли сомнений, равно как и времени на раздумывание. И Рэндал выстрелил в самого близкого всадника, который свесился на бок своей гривастой размалёванной кобылки, прячась от пуль. Лошадь кувыркнулась, вытянув при падении шею и сломав её, издала жуткий храп и забила ногами по воздуху. В густых клубках жёлтой пыли от брыкающейся лошади проворно отскочил на четвереньках индеец, роняя на бегу перьевой убор.

Тут откуда-то сзади вынырнул всадник, густо покрытый жирной белой краской, истошно закричал что-то и молниеносно выпустил в растерянного Кейта три стрелы. Они воткнулись рядком вдоль позвоночника, одна под другой, словно на цирковом представлении.

Поднявшаяся стена пыли, пронизанная солнцем, наполнилась мечущимися тенями людей и лошадей. Раскраска на телах дикарей и пёстрые украшения слились в сплошной громадный цветной мазок. Из этой мелькающей яркой массы внезапно вылепилась фигура с медвежьей мордой на голове. На доли секунды Рэндалу показалось, что перед ним возник настоящий медведь, натянувший тугой лук. Наконечник стрелы замер в нескольких десятках сантиметров от груди белого человека.

Рэндал почувствовал, как древко стрелы распарывает воздух и сильно ударяет его в грудь... Он покачнулся, но устоял на ногах... Что-то произошло... Стрела оставалась на тетиве... Мгновенное видение собственной смерти отхлынуло, глухота, законопатившая уши, перешла в свист и снова превратилась в привычный шум – топали лошади, невероятно громко кричали люди... Медвежья маска держала лук натянутым, но не выпускала стрелу... Что-то происходило. Было похоже на то, что дикарь растерялся. Он будто слушал кого-то и не мог поверить тому, что слышал...

За его спиной и по обе стороны фургона столпились взбудораженные соплеменники, размахивая дубинами и щитами. Медвежья маска вдруг резко опустила лук и повернулась к ним. Раздражённым голосом этот индеец закричал на остальных и стал взмахивать рукой, словно отгоняя всадников прочь. Они ответили возмущенными выкриками. Кто-то поднял копьё с ворохом волос возле наконечника. Но человек в медвежьей маске вздыбил своего коня и решительно двинулся на негодующих воинов.

⁸ Воинское общество Лисицы встречалось во многих племенах равнин. Лакоты говорили, что название этого общества произошло потому, что его члены вели себя столь же хитро и ловко в бою, как лисица в привычных для неё условиях. Одним из отличительных знаков Воинов Лисицы была лисья шкура с вырезом посередине, куда человек продевал голову. Шкура надевалась таким образом, что хвост и задние лапки висели на спине человека, а мордочка лежала на груди индейца. Стандартным головным убором Воинов Лисицы были стоящие в один ряд перья, которые подобно гребню тянулись через всю голову и опускались на спину.

– Хиа! Хиа! – повторял он, то и дело бросая через плечо горящие взгляды на белого человека.

Индеец, под которым Рэндал подстрелил кобылу, уже забрал себе лошадей из повозки и, явно недовольный поведением медвежьей маски, опустил над телом Кейта Мэлбрэда. Двух взмахов тяжёлой дубины с вделанными в неё острыми лезвиями хватило ему, чтобы отсечь покойнику голову. С торжествующим воплем индеец схватил её за рыжие вихры и, подскакав вплотную к Скотту, злобно потряс страшным трофеем. Кровь стекала по поднятой руке дикаря и капала с покрытого пылью локтя на его лоснящуюся от жира мускулистую грудь.

Несколько дикарей уже возились в коробах, сложенных в фургоне, выбрасывали наружу цветные тряпки, перебирали стеклянные бусы, то и дело издавая восторженные крики.

Рэндал закрыл глаза...

Внезапно индейцы помчались прочь. На одном из них красовалась высокая шляпа Кейта с болтающейся лентой, расшитой бисером. Последним скакал человек в маске медведя. Перед тем как скрыться за холмом, он остановился и долгим взглядом посмотрел на Рэндала. Его лошадка нетерпеливо топталась на месте, поднимая ленивую пыль. Затем он сорвался с места и скрылся.

Рэндал без сил свалился на вспоротые мешки. Сознание готово было покинуть его. Небо вздувалось над ним, то втягивая белоснежные облака в какую-то воронку, то опуская их к самому лицу Скотта. Временами небосвод становился непроглядно чёрным, и тогда от белизны облаков начинало резать глаза, но через несколько секунд лазурь возвращалась и мир становился привычным. Оседающая пыль пахла лошадьми.

Ночью он присыпал обезглавленное тело Кейта Мэлбрэда сухой землёй и устроился под одеялом возле колеса фургона. Совсем близко от него громадной тенью вздымался крутой утёс, от которого веяло могильным холодом. Спать Рэндал не мог, напряжение было слишком велико. Тогда он извлёк из вещевой сумки толстую тетрадь в кожаном переплёте, расстегнул застёжку на тонком ремешке и принялся судорожно излагать события предыдущего дня. Красноватые отблески слабенького костра плавали по его усталому лицу.

Ближе к рассвету в мутном сером воздухе проявилась отдалённая тень всадника. На голове различалась могучая морда медведя. Завидев страшного гостя, Рэндал напрягся всем телом. Что могло означать возвращение странного дикаря?

Рэндал Скотт закрыл тетрадь и поднялся.

– Что тебе нужно? – воскликнул он, вытянув перед собой руку, в которой лежала тетрадь.

Дикарь насторожился. Бледнолицый направлял на него свой таинственный предмет и, похоже, выкрикивал заклинания. Возможно, это был маленький квадратный щит? Всякий щит несёт в себе охранительную силу, и у каждого воина щит отличается от других. Щит Светлоглазого странен, но в непонятных вещах живёт особая сила – против неё часто бессильны самые опытные шаманы. Щит Светлоглазого странен. Волшебство его уходит корнями в неведомое, поэтому, быть может, Медвежий Бык заступился за белого человека.

Индеец тряхнул головой. Он отберёт охранительный предмет Светлоглазого, а тогда и убивать чужеземца не надо – сам помрёт без своего амулета. Сделав такой вывод, Медведь вскинул руки к светлеющему небу и, не взяв оружия, погнал коня на Рэндала Скотта.

– Я не боюсь тебя! Смотри! Я не боюсь тебя! – выкрикивал он на своём языке, приближаясь к Бледнолицему. Его ладони демонстративно смотрели в стороны. Подскакав вплотную к Рэндалу и объехав его два раза по кругу, Медведь резко наклонился и вырвал из пальцев Скотта тетрадь. В следующее мгновение он ударил коня пятками и понёсся обратно, по-прежнему расставив руки, но теперь в одной из них была стиснута таинственная вещь Светлоглазого.

Рэндал разразился проклятиями. Поведение дикаря не укладывалось в его голове. Он готов был драться, готов был умереть, готов был долго и нудно объясняться знаками. Но он не собирался быть предметом насмешек размалёванных туземцев.

– Будь ты проклят, чучело вонючее! – горлопанил Скотт. – Попадись ты мне когда-нибудь ещё, я тебе ружьё в задницу запихну! Я тебе собственное дерьмо скормлю! Я тебе вместо медвежьей морды мешок на голову натяну и вздёрну на ближайшем дереве!

Он стоял в одиночестве посреди бесконечной гористой местности, через которую ему предстояло идти пешком, идти неизвестно куда. Он был чужим, ничего не знал и всего опасался теперь. Он мог бы просить заступничества у Создателя, но он не верил в Бога, он привык полагаться лишь на себя, на собственные силы. Бог для него оставался красивым, но вымыслом, а окружающий мир всегда ощущался очень ясно и нередко болезненно.

– И это всё лишь потому, что мои дурные руки не умеют вовремя сдержаться! Обязательно нужно смухлевать во время игры! – Рэндал отчаянно ударил мыском башмака по земле и поднял целый фонтан пыли. Он представил себя в гуще шумной толпы на городской площади, где уютно гомонят лавочники и цокают женские каблучки. Да, не ведомо человеку, куда может забросить его судьба...

На третий день пути, таща на спине громадный тюк с провизией, Рэндал понял, что силы его истощились. Из мешка пришлось высыпать большую часть содержимого, но и то небольшое, что осталось на его пыльном дне, тянуло к земле. Сперва он старался идти по следам фургона, на котором он приехал с Кейтом. Однако следы колёс утерялись к вечеру первого дня пути. Теперь он брёл наугад. Ноги то и дело цеплялись за камни и корешки, жаркий воздух сплетал перед глазами сложные узоры, пересохшее горло казалось вздувшимся и слипшимся.

Вечером, рухнув на землю, он обнаружил в полуметре от себя два неподвижных тела, в каждом торчало по несколько длинных стрел. Вокруг были разбросаны мелкие предметы: мешочки, сумки, куски кожи, деревянные миски, ложки. Немного поодаль Рэндал различил в траве крупную собаку с разmozжённым черепом.

– Дьяволыщина! – Он поморщился, чувствуя подкатывающую тошноту. Кровь на расчлennной плоти и на земле вокруг уже засохла, но было видно, что убийство произошло совсем недавно. Поблизости прыгало несколько ворон, но стервятники ещё не спустились, чтобы приступить к пиршеству.

Скотт тяжело поднялся, буквально слыша, как гудели уставшие ноги и как по ним тончайшими нитями струился огонь.

– Нужно убираться отсюда...

Он с огромным трудом доковылял до тёмного бора на склоне длинного зелёного холма и упал на траву в умирающую вечернюю тень гигантских сосен, которые величаво плавали густыми верхушками в оранжевой краске безоблачного заката.

Ночью ему пригрезились чьи-то негромкие голоса и приглушённый конский топот, но усталость не позволила ему поднять голову и проверить, сон ли это. Утром он увидел свежие следы копыт на влажном берегу тоненького ручейка, журчавшего в десятке метров от места его ночлега.

– Значит, не сон... Повезло тебе, мистер Рэндал Скотт... А может, не повезло вовсе? Разрази меня гром, если попасть сейчас под нож краснокожим тварям – это не худший выход из моего положения. По крайней мере, не придётся больше мучиться и страдать от неизвестности...

Он склонился над прозрачной водой, и на него повеяло прохладой. Ручей был настолько чист, что вода просто не различалась, лишь случайная веточка, скользившая над неглубоким песчаным дном, слегка колыхала поверхность потока, отчего вокруг её плывущей тени образовывались призрачные световые пятна. Рэндал окунулся в воду всей головой и с наслаждением испытал её ледяное прикосновение.

– Нет, всё-таки это чертовски приятная штука – жизнь. И держу пари, что я соглашусь ещё немного побродить по здешним пустырям, будь они прокляты! – Он запихнул в рот пресное печенье и со вкусом стал жевать его.

И в этот момент, когда блаженство разлилось по всему его существу, Рэндала будто толкнуло что-то. Он резко обернулся и обомлел. Примерно в миле от него по склону холма, поросшего редким лесом, спускались вереницей десятка полтора всадников. И они не были индейцами. На них различалась грубая кожаная одежда. Все держали в руках длинные винтовки, уперев их прикладами в колени или сёдла. Рядом со всадниками шли на поводу навьюченные лошади.

– Белые люди! – вырвалось у Рэндала, и он закричал во всё горло.

– Белые люди! – расплылось эхо в хрустальном воздухе.

Они были немало удивлены появлением человека без лошади в столь отдалённых местах.

– Кейт Мэлбрэд? – переспрашивали охотники, покачивая густыми бородами. – Нет, не знаем... Не наш... Людей много... Страна огромная...

– В какую сторону вы теперь поедете? – поинтересовался Скотт Рэндал, успокоившись.

– В ту же, куда и прежде направлялись, приятель. Ты нас с пути не собьёшь. Ха-ха! У нас полно пушного товара, так что дорога наша лежит прямёхонько в торговый пост.

Крепость

В форте Мак-Кензи, куда его доставили трапперы, Рэндал застрял основательно. Он был не из робкого десятка, но недолгое путешествие в компании Мэлбрэда отбило у него всякую охоту бродить по стране, которая успела показаться ему столь негостеприимной. Впрочем, тяги к путешествиям он не испытывал никогда, поэтому, имея некоторые денежные сбережения, с удовольствием проводил время в форте.

Первые дни он старался ничем не обременять себя, показывая обитателям деревянного укрепления, что он здорово устал от недавних кровавых приключений, которые, вне всякого сомнения, не были ему приятны. Однако вскоре он стал браться за кое-какую работу, чтобы его не зачислили в ряд лежебок, каковых никто не жаловал.

За два месяца он свыкся с жизнью укрепленного поста. Земля вокруг постепенно переставала казаться ему пустынной и страшной. Повсюду сновали зверушки, хлопали крыльями птицы, из-за кустов то и дело выныривали тощие койоты, вдали величаво покачивали рогами олени, мелькали в высокой траве спины и уши волков. Но самым впечатляющим зрелищем было огромное стадо бизонов, которое ему довелось наблюдать однажды. Рэндал много раз видел быков с борта парохода, когда те пытались переплыть реку или спускались к воде напиться, видел он и большое стадо, пока ехал в фургоне Кейта Мэлбрэда. Но он и представить не мог, что бизоны могли быть столь многочисленны. Они лениво перетекали через холмы безбрежным тёмно-коричневым ковром, заполонив всё пространство вокруг форта. От вида этой бесконечной лавины горбатых животных у Рэндала перехватило дыхание.

Индейцев тоже оказалось вокруг гораздо больше, чем ему представлялось раньше. Места вовсе не были пустынными. Небольшие группы туземцев регулярно прибывали к стенам форта, и множество палаток постоянно находилось возле бревенчатых стен укрепленного торгового поста.

С приближением осени дикари начали понемногу разъезжаться, завершив товарообмен с белыми купцами. Возле стен укрепления осталось не более двадцати палаток Черноногих⁹, но милях в трёх-пяти от форта ещё стояли большие деревни, скрытые отвесными скалами и густым лесом.

Рэндал поднялся очень рано в тот день. Воздух был серым и мутным, как запотевшее стекло. Зачерпнув холодной воды из деревянной кадки, Рэндал Скотт ополоснул лицо и, фыркая, обтёр шею. Возле стены лежали друг на друге покрытые брезентом тюки со шкурками. За частоколом вырисовывались верхушки индейских палаток, торчали вверх, словно гигантские усы, расходящиеся под углом шесты, служившие каркасом для жилищ. В предрассветной мгле лес на поднимавшихся вокруг холмах казался непроглядным. Из трубы избы за спиной Рэндала тянулся голубоватый дым.

Внезапно в тишине, которую, казалось, ничто не посмеет растревожить, разлился звук, не похожий ни на что. Несколько секунд он висел почти неподвижно, словно протяжный монотонный вой, затем заколыхался и вдруг как-то сразу превратился в бесконечное множество голосов, которые лавиной хлынули в долину.

Рэндал кинулся к прорубленной в стене бойнице и увидел далёкие фигурки всадников. Их было несколько сотен. Их прыгающие очертания становились яснее с каждым мгновением. Подскочивший к соседней бойнице метис по кличке Том-Барсук криво усмехнулся.

⁹ Черноногие – конфедерация племён (Пьеган, Сиксика, Кайна), говорящих на языке Алгонкинской семьи, которая подразделялась на пять основных групп: черноногская, шайенская, арапахская, центральная и восточная, калифорнийская. Широкую известность Черноногие приобрели благодаря книгам Джеймса Шульца, который был женат на девушке из этого племени и много лет провёл среди Черноногих.

– Ассинибойны! – воскликнул он и поспешил за пистолетами.

– *Levez-vous, il faut nous battre!* Поднимайтесь, нам придётся сражаться! – заколотил рукой в оконную раму другой траппер.

Из бревенчатого строения, на двери которого была растянута лохматая шкура, выбежал мужчина лет пятидесяти в невероятно поношенных и грязных штанах и завертел головой.

– Барон, краснокожие здесь! – гаркнул ему в лицо Том-Барсук. – Нынче вы вдоволь навоеуетесь!

Черноногие начали выбегать из палаток, растерянно оглядываясь. Они ещё не пробудились окончательно, и движения их были слишком вялыми. Весь вчерашний вечер они провели в шумном пьянстве, накупив у торговцев изрядное количество спиртного. Они плясали до глубокой ночи, изображая в танце военные столкновения с врагами и подсчитывая свои прикосновения к противнику. Теперь на них внезапно обрушился настоящий бой¹⁰.

После недолгого раздумья Черноногие ныряли обратно в свои жилища за оружием. Их было слишком мало, чтобы противостоять нападавшим, но ничего другого не оставалось. Ассинибойны шумно приближались. Самые прыткие из них уже домчались до стоянки Черноногих и теперь шныряли между огромными конусами жилищ, пуская стрелы в мягкие стены. Два Ассинибойна резво спрыгнули с коней и набросились на одну из палаток, словно на живое существо, вонзая лезвия ножей в натянутую кожу. Из деревянных домов к стенам укрепления спешили охотники с ружьями наперевес. После первых выстрелов сцену боя заволочло густым дымом.

– Послушайте, они не нас атакуют, а только Черноногих! – крикнул Митчел, опуская длинное ружьё. – Перестаньте стрелять!

– Знать бы, что им через минуту в голову стукнет.

– Надо бы Черноногих пустить к нам, не то их всех переколотят...

– Ещё чего! Тогда от этой орды спасения не будет. Взгляните, сколько их! Человек триста...

Ветер отнёс пороховой дым в сторону, и между палатками стали различимы неподвижные тела пяти женщин и нескольких детишек. Пышно оперённые всадники носились кругами вокруг мертвецов, уваливая от пущенных в них стрел. Черноногие подбегали к частоколу и звали белых людей на помощь.

– Я пойду подсоблю, – прокричал старый Джон Эмерсон, неторопливо надевая мокасины, и бросил в просторную кожаную сумку пули, в то время как молодёжь приседала под бревенчатыми стенами.

– Сейчас зададим им перца, – ухмыляясь, произнёс с сильным немецким акцентом барон Браунсберг¹¹, шагнул к частоколу и прижал приклад к плечу.

¹⁰ Нападение на лагерь Черноногих возле форта Мак-Кензи произошло 28 августа 1833 года. Особенностью той схватки было то, что у жителей форта в момент атаки не было на руках в достатке пуль и пороха, так как они продали свои основные запасы Черноногим и как раз дожидались выдачи очередной еженедельной порции боеприпасов. Принц Максимилиан так описывал нападение: «Они неслись галопом группами от трёх до двадцати человек; их лошади были покрыты пеной. Сами индейцы были наряжены лучшим образом, со всевозможными украшениями и оружием, луки и колчаны висели на спинах, ружья в руках, на головах красовались короны из чёрно-белых орлиных перьев, свисавшие назад подобно пышным капюшонам. Всадники сидели на чёрных лошадях, разрисованных красными полосками. Сами они были наполовину обнажены, у многих через плечо тянулась волчья шкура, висел щит, украшенный перьями и яркими тряпичными лентами». Трапперы в форте опасались, что Ассинибойны нападут снова, обозлившись на то, что белые люди оказали поддержку Черноногим, но повторной атаки не произошло. Через месяц после этого военного столкновения Ассинибойны появились в форте Юнион, который располагался на их земле, и сообщили, что их отряд состоял из 500 Ассинибойнов и 100 Кри. Это вызывает некоторое недоумение, как столь мощный отряд не одолел более слабого противника. Ассинибойны и Кри убили только семерых Черноногих и ранили двадцать человек.

¹¹ Под именем барона Браунсберга по Америке путешествовал Максимилиан, принц земли Вид-Нойвид. В своё время он воевал против Наполеона, дослужился до звания генерал-майора и во главе своего дивизиона въехал в составе союзных войск в Париж. Но в душе он всегда мечтал о карьере учёного. После войны он организовал научную экспедицию в Бразилию и после двух лет путешествия выпустил книгу, и она принесла ему широкое признание. Теперь он отправился в экспедицию по Север-

Грянул выстрел, и оружие, сильно дёрнувшись, отшвырнуло его на два шага назад.

– *Mais je te trouve fatigué et un peu pâle, mon ami!* Я нахожу, что у тебя усталый и бледный вид, мой друг! – весело загоготал за спиной свалившегося барона бородатый канадец.

– Похоже, я всыпал двойную порцию пороха, – прокартавил Браунсберг.

– Не вяжитесь, друзья, это не наша драка, – недовольно сказал Митчел. Он стоял на широко расставленных ногах, по-хозяйски уперев руки в пояс и оттопырив локти.

Но десять охотников всё же проскользнули в приоткрытые ворота и, добежав до окраины индейского лагеря и став полукругом, дали дружный залп по вертлявым Ассинибойнам. Те отхлынули назад, многие сильно свесившись с лошадей, получив ранения. Появление на военной сцене белых людей, вооружённых карабинами, смутило нападающих. Черноногие издали торжествующий вопль и заметно приободрились. После двух-трёх залпов по дикарям трапперы рассыпались по лагерю Черноногих. Их перепачканные жиром и пропитанные потом грубые кожаные куртки с длинной бахромой бурыми пятнами сновали между голыми фигурами индейцев. Ассинибойны отступили на несколько сот метров и оттуда выкрикивали ругательства. Многие из них выезжали вперед и на всем скаку подхватывали с земли тела убитых сорочичей.

Золотистый луч солнца прорезал голубизну утреннего воздуха, пробившись сквозь кроны деревьев, и упал на заостренные верхушки индейских палаток. День вступил в свои права. Через минуту над лесом появился весь солнечный диск, заливая сиянием холодное пространство между двумя далёкими утёсами.

Рэндал взял карабин и вышел из крепости. Ворота были теперь отворены, и перепуганные индейки торопились укрыться за деревянными стенами. У некоторых сквозь разорванные платья текла кровь.

– Вон и подмога, – прокашлял кто-то, указывая влево.

От подножия горы скакал небольшой отряд Черноногих из лагеря, что находился по другую сторону реки. Чуть позже из лесной стены вынырнула другая группа, до которой донеслись звуки выстрелов.

– Ладно, выдайте-ка им ружья, – распорядился Митчел, – пусть повоюют нормально... Только не позабудьте отобрать их после боя...

– Потом поди заberi у них ружьишко...

Первые три Черноногих схватили длинноствольные карабины и с восторженными криками побежали между палаток, потрясая оружием над головами. Рэндал видел, как они обнаружили на земле возле крайней палатки тело убитого врага, которого Ассинибойны не сумели забрать с собой, и остановились над ним. Они разрядили свои карабины в покойника, перезарядили их и вновь выстрелили в труп. Выпущенные в упор, пули сильно изорвали тело, что явно обрадовало индейцев.

Рэндал хмыкнул и зашагал туда, где виднелись фигуры охотников. Смешавшись с Черноногими, они продвигались в сторону холма, по которому, словно муравьи, сновали Ассинибойны. Временами они выезжали вперед, выпуская ворох стрел, но тут же спешили назад, заведя поднятые стволы ружей. Из соседних лагерей прибывали новые отряды Черноногих, быстро пересекая ровное пространство между холмами, залитое косыми лучами солнца. Орлиные перья в их волосах светились.

К полудню Ассинибойны отошли за гряды. Черноногие то уезжали за ними, то возвращались. Рэндал поймал индейскую лошаду, в гриву которой были вплетены лоскуты какого-то меха и вороны перья, и вернулся в форт верхом. Он сделал лишь пару выстрелов и сразу

ной Америке. Вместе с ним путешествовал его друг, молодой художник Чарльз Бодмер, который оставил богатую коллекцию этнографических рисунков. В дороге Максимилиан познакомился с Кеннетом Мак-Кензи, так называемым Королём Миссури, занимавшим должность главы Верхнего отделения Пушной Компании. Мак-Кензи организовал Максимилиану поездку в один из самых дальних фортов пограничья – форт Мак-Кензи, куда направлялся с ежегодными запасами товаров Д. Митчел.

охладел к сражению. Он давно заметил за собой, что не мог драться, если не испытывал волнения. Так пожара не может случиться, если нет огня.

Возле частокола толпились люди и возбуждённо обсуждали детали сражения. Рэндал прошёл к дальней стене укрепления, где над костром свисали с высокой треноги олени рога. На одном из их крючковатых отростков болтался котелок, от которого валил ароматный пар. Джек-Собака помешивал там длинной деревянной ложкой.

– Я сразу сказал, что это скучный бой, – улыбнулся Джек своим заросшим лицом, из-за которого и получил от индейцев прозвище Собака, и одёрнул грязный воротник своей расшитой куртки. – Эти Ассинибойны¹² похожи на всех других Сю. Они наверняка имели зуб на Черноногих, и до нас им не было дела. Я видел одного из них, который кричал нашим, чтобы они ушли с его пути, так как он не желал нам зла. Краснокожие вообще не очень любят нападать на белых. Впрочем, сегодня свора налетела немалая, спорить не стану. Но и Черноногих кругом полным-полно.

– Ты знал, что они отступят?

– Угу. Я смотрел на них и видел, что они хорошо разделились, здорово раскрасились. Но вот ехали они так, будто не знали, чего хотели. Может быть, они даже не Черноногих искали, а вообще кого-нибудь... Так бывает... Или они уже до этого навоевались. Не знаю. Краснокожий ведь – птица не простая... – Джек-Собака поднёс ложку ко рту и снял пробу с похлёбки. Ему было лет шестьдесят, но голос его, хоть и со старческой хрипотцой, звучал громко и руки с сухой морщинистой кожей двигались легко.

– Мне кажется, – проговорил Скотт, – что ты симпатизируешь дикарям.

– Я много лет стаптываю мокасины на здешних тропах, приятель. Много раз моя никчёмная жизнь висела на волоске. И не только краснокожие были тому виной. Нет, старина. Меня давили буйволы, грызли волки и топили реки. Но я люблю жизнь именно такой, какая она у меня здесь. Я постарел в этом краю. У меня тут полно родни.

– Откуда? – удивился Скотт. – Какая родня?

– Индейцы. Я успел породниться с ними не один раз. – Видя недоумение на лице собеседника, Джек-Собака засмеялся. – У меня были жёны-индеанки. Здешние скво¹³ – особый товар. Они выносливы, ловки, отличные хозяйки, но будучи бродячим охотником, я не всегда брал жену с собой. Охота требует прыткости. Тут таскать с собой типпи¹⁴ не для чего. Охота – это общество мужчин. А что мне нужно от скво, когда я приезжаю из похода, который тянулся два месяца? От неё требуется только быть женщиной, чтобы я насытился ею... Всё бы хорошо с индейской женой, но родичей многовато. Они, видишь ли, все рады прийти в гости к тебе, когда им заблагорассудится, поэтому иногда заваливаются толпами. И совсем плохо, когда кто-то приезжает погостить из другой деревни, тут уж могут поселиться на месяц или два... У меня было уже три жены. Одна из Змей, я отдал за неё десять лошадей, а это много. Но она погибла в горах, сорвалась вместе с лошастью на перевале. Вторая была Сю, прекрасная хозяйка, но я вернул её отцу, потому что слишком сварлива была, зато она шила отличные мокасины; лучшей

¹² А с с и н и б о й н ы – племя языковой семьи Сю. Принц Максимильтян писал о них так: «Ассинибойны – это настоящие Дакоты, но они весьма давно образовали свою собственную ветвь племени и отделились от остального народа, переселившись на новые земли. Это было связано с какой-то ссорой внутри племени. Сами они продолжают считать себя Дакотами, называя себя на своём наречии Накотами».

¹³ С к в о – слово заимствовано из языка Алгонкинов и традиционно употреблялось по отношению к женщинам со времён основания Новой Англии.

¹⁴ Т и п п и – на языке Лакотов так называлось любое жилище, любой кров, даже бревенчатый и каменный дом белого человека. Для обозначения палатки именно с кожаным покрытием Лакоты использовали слово *уакейя*. Установление палатки начиналось с поисков подходящих шестов. Обычно два шеста связывали у верхушки и ставили стоймя таким образом, что толстые концы разводились на диаметр пола палатки. Остальные шесты расставлялись с равными промежутками по окружности. Покрытие, сшитое из кожи бизонов, прикреплялось к вершине одного из шестов и натягивалось по всему каркасу таким образом, чтобы вход смотрел на восток.

обуви я никогда не носил. Пришлось её папаше подарки всякие привезти, когда я возвратился с нею. А третья была из Банноков. Её зарубили Юты... Лучшие, на мой взгляд, это лакотские женщины. На редкость милы. У моей, правда, с характером было плохо... Что ж, случается... Я повидал немало людей, но никто не привлекает меня так, как дикари. Эти краснокожие дьяволы мне куда больше по душе, чем любой самый улыбчивый скупщик пушнины в торговой лавке. Здешние трапперы говорят, что ничто не ласкает слух так, как завывание ветра в горах и журчание ручья. Но ещё есть одна штука, которую я обожаю. Это язык Сю. Я тебе вот что скажу: ни одна скрипка в салуне во время самого развесёлого праздника не сравнится с обычной речью Лакотов. Ты представить не можешь, приятель, что они вытворяют со словами!

– Ты хорошо говоришь на их языке, Джек?

– Как на родном гэльском. Мне кажется, что я и думаю на их манер. *Лакота кин шунка Джека кагати*. Джека-Собаку сотворили индейцы. Человек становится тем, что его окружает, если он принимает это окружение. Не покинь я Шотландию, так бы и пас овец, как мои предки, сам был бы овцой...

Некоторое время они молчали. Скотт разглядывал рассеявшихся повсюду Черноногих.

– Здесь много всякого люда... Вот наш барон, к примеру, – Джек кивнул в сторону барона Браунсберга, который расхаживал вдоль крепостной стены, то выходя за ворота, то возвращаясь обратно, – он здесь просто глаза пялит. Он не с нами. Может, он и не плохой малый, этот путешественник, но не наш. Говорят, он дорос до генерала во время войны в Европе. Но это не поможет ему стать горным охотником. Он смотрит иначе. Он дышит иначе... Если ты похож на него, то быстро укачишь отсюда, нагладившись на нас вдоволь или испугавшись чего-нибудь. Но если ты пробудешь на этой земле хотя бы год, то останешься здесь и ничто не заставит тебя покинуть этот край. Горы и прерия не отпустят тебя. Ты привыкнешь смеяться под дождём и вьюгой, крышей ты станешь считать небо над головой, а стенами – сосновый бор, и обычный дом с удобствами, которые ценятся в больших городах, покажется тебе душной тюрьмой. Поверь мне, я знаю. Я уже пытался уехать отсюда в Штаты, но едва не подох там с тоски. Я знал и других, которым здешняя жизнь показалась сперва слишком суровой и они поспешили в свои уютные клетушки, но быстро вернулись. Джимми Вэллас, к примеру сказать, в подвале своего каменного дома вечерами разводил костёр из лучинок и плакал. Он сам рассказывал. Затем махнул на всё рукой, никому ничего не объяснил, даже жене, и помчался сюда. То было десять лет назад. В прошлом году гризли оторвал ему ногу и раздавил грудь. А Джимми умирал с улыбкой... Я не знаю, что такое настоящие стихи, но мне кажется, что сам воздух тут насыщен песнями...

Женщина

С тех пор, как Медведь завладел тетрадью белого человека, минул год. Иногда индеец извлекал её из сумки, где у него хранились ценные для него вещи, и перелистывал страницы, испещрённые мелкими значками. После той схватки его стали называть *Мато Токе*¹⁵ – Странный Медведь. Никто не понял его поступка, когда он не стал убивать Светлоглазого сам и не позволил этого другим. Сперва воины подумали, что он решил взять чужеземца в плен и подвергнуть его пыткам, привезя в деревню, но потом увидели, что это не так. Белому просто даровалась жизнь. Он не проявил ловкости в бою, не показал никакого чуда, но Медведь пощадил его. Это было странно. Впрочем, он нередко удивлял род Куропатки...

Как-то к их кочующему лагерю присоединились две семьи из клана Красной Воды. Они покинули свою группу, не поделив что-то с главой общины, и почти месяц жили в стороне от всех. Но такое существование обычно не затягивалось надолго – уж слишком велик был риск попасть в руки вражеского военного отряда.

Среди новоприбывших Медведь сразу выделил молодую женщину по имени Шагающая Лисица¹⁶, жену Молодого Волка. У этого индейца было две жены. Старшую звали Птица-Которая-Охраняет-Гнездо, а Шагающая Лисица доводилась ей сестрой. Молодой Волк взял её в жёны, когда их отца затоптали на охоте быки. Мать их отдала свой дом на растерзание соплеменникам, символически протянув людям ножи и топоры, после чего толпа изрезала шкуры палатки на куски, раз и навсегда уничтожив кров над её головой. После этого старуха несколько дней просидела возле могилы мужа, плача и тихонько разговаривая с его невидимой тенью, и там же скончалась в непреодолимой тоске. Согласно традициям племени, Шагающая Лисица, оставшись без кормильца, пришла в дом сестры и стала считаться второй женой Молодого Волка.

Любой воин мог иметь столько жён, сколько способен был прокормить. Молодой Волк имел двух. Странный Медведь – ни одной. Люди шептались по этому поводу, но никто не говорил ему ни слова. Даже отец не заговаривал о женитьбе. Странный Медведь общался с духами, и люди мало что могли посоветовать ему.

Не раз Странный Медведь останавливался близ палатки Молодого Волка и смотрел, как Шагающая Лисица скоблила костяным скребком натянутую на деревянную раму бизонью шкуру. Она работала несуетливо, но ловко. Странный Медведь с удовольствием провожал молодую женщину взглядом и любовался стройностью и силой её сложения, когда она шла твёрдой походкой к реке за водой. Иногда он ловил взгляд её блестящих глаз, но она немедленно отводила взор и поворачивала красивую голову в противоположную сторону.

Он ни разу не заговорил с нею, так как такое поведение считалось неприличным, но однажды он решил привлечь к себе её внимание, не нарушая разумных границ. Он облачился в длинную парадную рубаху, разрисованную мелкими значками и фигурками, которые рассказывали о его боевых заслугах, украсил волосы перьями и цветными прутьями с перечнем его ранений, взял флейту и некоторое время ходил вокруг палатки Молодого Волка, наигрывая

¹⁵ *Т о к е* – производное от «токечаз» (почему?), «токечакаен» (беспричинно) или «токе-чинчин» (по своему усмотрению). Пример: «Токечинчин уаун» (я поступаю, как мне заблагорассудится). Данное имя наглядно показывает, насколько приблизительным является любой перевод индейских имён на другие языки. Перевод Мато Токе как Странный Медведь, конечно, весьма условен, так как по-настоящему подходящего эквивалента в русской речи нет. Наиболее правильным, но, к сожалению, слишком громоздким для употребления было бы пространное имя – Медведь-Который-Порождает-Своим-Поведением-Много-Вопросов.

¹⁶ *Ш у н г и л а – М а н и – У и н*. Женские имена собственные в языке Лакотов отличались от мужских окончанием «уин» или «уинна». Без этого окончания имя *Шунгила-Мани* было бы мужским (Шагающий Лис). Пример: мужское имя *Махний* (Облака, Небеса) становится при соответствующем окончании женским: *Махни-уинна* (Облачная Женщина).

пронзительную мелодию, которую сочинил специально для этого случая. Шагающая Лисица вышла из жилища и долго смотрела на Медведя, затем села около входа и принялась вышивать красными бусами кусок мягкой кожи, больше не поднимая глаз на мужчину с флейтой. Она не произнесла ни слова и ничем не ответила на музыкальное ухаживание Медведя, но он остался доволен. Женщина увидела его. Он удалился медленными шагами, продолжая играть на флейте. Кое-кто из людей, проходивших мимо, улыбнулся, глядя на него.

– Поведение Странного Медведя перестаёт быть странным, – услышал он за спиной.

– Подождём, как это поведение понравится Молодому Волку, – откликнулся другой голос. – Я слышал, что у него чересчур горячее сердце.

Больше Медведь не подходил к Шагающей Лисице с флейтой. Одной любовной песни было вполне достаточно, чтобы женщина поняла чувства воина, если она обладала достаточным разумом и чутьём.

Пару раз в лагере устраивались общие пляски по поводу успешных походов во вражеские станы за лошадьми. Медведь любил такие празднества, любил шум веселья. Завидев же в толпе зрителей Шагающую Лисицу, он быстро раскрашивался и присоединялся к танцорам, стараясь двигаться как можно более изящно и плясать поближе к тому месту, где стояла Лисица. Он искоса поглядывал на неё, покручивая в руке боевую дубину и обмахиваясь веером из орлиного крыла, и с удовлетворением замечал, что женщине нравились то, как он танцевал. Это означало, что нравился и сам Медведь.

Случалось, Медведь подолгу сидел вдали от деревни возле пожелтевшего медвежьего черепа и о чём-то размышлял. Чуть в стороне, ближе к узкой полоске ручейка, виднелся каркас низенькой округлой палатки, в которой Странный Медведь с близкими товарищами обычно проводил *Инипи* – Обряд Очищения¹⁷. Над этим местом нависала, прилепившись к крутому горному склону, кривая карликовая сосна, на ветвях которой висело множество мешочков с дарами Всесильному Духу Жизни. Иногда из кустов, пригнув голову к земле, показывался крупный волк белой масти и выжидающе смотрел на Странного Медведя. Человек тоже устремлял на него взор и не двигался. Так и молчали они в глаза друг другу. Казалось, что присутствие одного вполне устраивало другого. Но всё же ни один из них не расслаблялся, каждый был хищником и видел хищника в другом.

– Не знаю, что ты хочешь сказать мне, четвероногий брат, – как-то обратился Странный Медведь к волку. – Может быть, ты просто желаешь помолчать. Но может быть, ты хочешь сообщить мне что-то важное. Я не могу сейчас заставить себя услышать твои мысли, потому что сердце моё занято женщиной. Я подожду твоих слов, однажды ты скажешь их мне, мой брат.

¹⁷ *Инипи* (дословно – потение) – обряд очищения, проводимый в палатке-парильне. Каркас палатки делается из двенадцати или шестнадцати веток молодой ивы. Палатка плотно укрывается шкурами или одеялами. Внутри парильни в земле делается ямка, куда кладутся раскалённые камни и поливаются водой. Вход устроен с востока, ибо оттуда приходит свет мудрости. Участники обряда устраиваются внутри, сильно согнувшись, тем самым олицетворяя собой зародыши в чреве матери. Инипи – сложный обряд, в котором используются все силы Вселенной: земля и всё растущее на ней, вода, огонь и воздух. «Вода воплощает Громоных Духов, которые приходят в пугающем виде, но приносят добро, ибо пар, восходящий от камней, содержит огонь внутри себя и поэтому устрашает, но он очищает нас, так что мы можем жить по воле Вакан-Танки». Подробное описание всей церемонии дал Чёрный Лось в книге Джозефа Брауна «Священная Трубка».

Мато Уитко

(его собственные слова)

Я пользовался уважением у людей. В моём доме всегда хватало еды, даже в самые голодные времена. Я видел на себе игривые взгляды девушек, когда проходил мимо них, и знал, что они были бы рады получить такого мужа. И мне было весело танцевать с ними ночами вокруг костра, когда разрешалось накинуть на себя и девушку покрывало и так стоять и разговаривать с ней и даже целовать её при всех. Во время праздника никто не мог запретить этого. Правда, после этого мать девушки обычно присылала кого-нибудь за вознаграждением.

– Ты был с дочерью Пятнистого Оленя, – говорил посланник, – дай ему хороший подарок, чтобы никто не подумал, что ты неуважительно поступил с молодой женщиной.

Я платил за веселье, как это делали все мужчины. Но ни в одной женщине не видел я своей жены.

Когда появилась в нашем лагере Шагающая Лисица, в моём сердце словно тетива натянулась. Я будто услышал голос, предвещающий и сладкое счастье, и горький вкус беды.

У нас не принято было останавливаться и разговаривать с женщиной на глазах у всех, потому что о ней могли плохо подумать. Некоторые жёны иногда попадали в неприятные истории из-за проявленного к ним внимания каким-либо воином. Бывало, что слишком вспыльчивый муж отрезал изменнице нос, если сам видел, как жена лежала с другим. Однако чаще были лишь сплетни, правда, случалось, что они становились нестерпимы. Тогда жена объявляла о проведении Праздника Чистоты, на который приглашались женщины, познавшие только одного мужчину. Я видел много таких сборищ. Организовывала и проводила этот праздник с угощениями обязательно та женщина, которая обвинялась в неверности. Каждая из присутствовавших во весь голос объявляла, что в её тело ни разу не входил никто, кроме мужа. Любой из зрителей мог выступить вперёд и опровергнуть это, если у него были основания. Женщины Одного Мужчины (их так называли) пели громкие песни о красоте и силе мужских органов.

Я не мог разговаривать с женой Молодого Волка. Я не мог подолгу стоять перед её типпи, пышно одевшись, как это делали другие юноши, ухаживая за девушками. Шагающая Лисица имела мужа. Я не хотел оскорбить её.

Однажды ко мне пришёл Красящий-Лоб-Белым и сказал, что собирался отправиться в поход против Бритоголовых, которых мы чаще называли Волками¹⁸. В те времена многие индейцы сбрасывали волосы на голове. Я сам видел однажды отряд Псалоков, в котором у пятирх человек головы блестели на солнце. Мой дедушка рассказывал мне, что наши люди раньше часто оставляли на голове только пучок волос. Это сегодня для воина позорно остригать свои волосы.

Красящий-Лоб-Белым хотел отомстить за смерть брата. Но он не был известным бойцом, поэтому не мог возглавить военный отряд – никто не последовал бы за ним. Он хотел, чтобы я повёл за собой воинов. Он обещал отдать мне всех лошадей, которых сможет захватить в походе. Мы выкурили трубку, и Красящий Лоб Белым получил моё согласие.

Весь день перед нашим выступлением по лагерю ходили глашатаи и распевали песни, поднимающие боевой дух. Я тоже несколько раз исполнил мою волчью песню. Иногда те, кто готовились к походу, останавливались перед какой-нибудь палаткой, обитатели которой не высту-

¹⁸ *П о у н и* – конфедерация племён, говорящих на языке Кэддо-Ирокезской семьи. К этой же группе относится племя Арикара. Всех их вместе Дакоты называли словом *Падани* (Лакоты называли *Палани*). Поуни состояли из четырёх крупных племён – Скиди, Чауи, Китехахки, Питахауэрат.

пали на военную тропу, и голосили перед входом. В таком случае хозяевам полагалось вынести что-нибудь в качестве пожертвования. Это могла быть еда или что-то из оружия.

Я решил постоять перед типи Молодого Волка. Очень скоро входной полог откинулся и появилась Шагающая Лисица. Она посмотрела мне прямо в глаза и положила на землю перед моими ногами пару мокасин. Я видел, как она смотрела. То был взгляд настоящей женщины, от которого вскипает кровь.

Наутро мой отряд покинул деревню, провожаемый многочисленными напутствиями. Когда наши жилища остались за горой, мы слышали топот лошади. Нас догонял Молодой Волк. Он смотрел на меня с вызовом.

– Я решил присоединиться, – сказал он, – я пришёл в род Куропатки из другой общины, и вы не знаете меня. Я не хочу, чтобы вы считали меня плохим воином, и докажу свою храбрость в бою.

– Не совокуплялся ли ты с женщинами в последние семь дней? – спросил из-под нависшей волчьей маски Прыгающий-По-Камням-Баран.

Молодой Волк сказал, что не спал с женщинами.

– Это странно, ведь ты не знал, что отправишься в рейд. Разве у тебя плохие жёны? – засмеялся Красный Хорь.

– Я постился, – ответил Молодой Волк. – Птица-Которая-Охраняет-Гнездо носит в себе моего сына. Я молился Великому Духу.

– Это хорошо, – сказал я, – мужчина должен накапливать силу перед военными подвигами.

И мы поехали дальше, выслав разведчиков вперёд.

Вскоре мы увидели небольшое стадо бизонов и подстрелили жирную корову. Мы сильно наелись, чтобы потом не занимать себя мыслями о еде, но из-за этого ещё до наступления вечера захотели спать. Мы устроились на отдых на том же месте, где и ели.

Утром одного нашего юношу стало тошнить.

– Это потому, что я спал, положив под голову куски мяса, – предположил он и сказал, что отправится обратно в деревню, чтобы не навлечь на наш отряд злых духов.

Никто не возражал, и мы поскакали вперёд.

Обычно Волки жили в земляных домах, которые никуда не передвинешь. Но нередко они отправлялись на поиски бизонов и везли с собой такие же палатки из сшитых шкур, как наши. Стоянка, которую мы обнаружили состояла из пяти таких *типи*. Я думаю, что те Волки принадлежали военному обществу Ножевого Копья, потому что перед входом в крайнюю палатку я заметил воткнутое в землю копьё с длинным прямым наконечником, к которому были прилажены почти параллельно лезвию два орлиных пера, и вдоль древка тянулась широкая полоса из красных и чёрных кусочков ткани, сшитых поочерёдно. Это редкое копьё.

Мы решили атаковать их перед заходом солнца. Лошадей у Волков оказалось совсем мало. Они не успели ещё ни на кого напасть.

Мы приготовились, раскрасив себя лучшим образом, и с громкими песнями помчались на врагов, когда солнце опустилось к самым холмам. Волки не испугались и храбро встретили нас. Они были голые и лоснились в заходящем солнце. Никто из них не успел добежать до своей лошади, потому что Красный Хорь сразу отрезал от них табун. Мы оказались на их стоянке, и на нас посыпались стрелы. Волки-Поуни высовывались из типи, стреляли и опять скрывались внутри. Но некоторые остались снаружи. Один из них выстрелил в нашу группу, и Молодой Волк упал со стрелой в плече. Я повернулся лицом к врагу, который ранил его, и вытянул перед собой ружьё. Я ещё плохо пользоваться огнестрельным оружием, но ружьё я брал в поход всегда – оно производило на противника сильное впечатление. Я бы не стал стрелять, так как не надеялся попасть в цель и не хотел тратить порох зря. Однако враг не знал этого...

Я мчался прямо на врага, направив на него ствол, и кричал. Он споткнулся, и стрелы высыпались из колчана. Он не хотел отступать, этот Бритоголовый. Он собирался драться со мной, но его рука не нашла в колчане стрел. И он побежал от меня. Я проломил ему голову прикладом и вернулся к Молодому Волку.

Нас оказалось меньше числом, чем Волков, и мы отступили. Но мы сразили трех врагов и угнали у них всех лошадей. Они не могли преследовать нас.

На ночной стоянке, которую мы сделали, проехав большое расстояние, Целебная Трубка обработал рану Молодого Волка. Стрела сильно повредила плечо. Много дней после этого он не шевелил рукой. Но он был единственным пострадавшим в бою. Мы одержали хорошую победу.

Перед тем как въехать в наш лагерь, мы остановились, чтобы одеться и раскраситься соответственно случаю, и под вечер неторопливо спустились в стойбище. Мы пели победную песню и гнали перед собой захваченных лошадей. Объехав несколько раз вокруг деревни, мы остановились. Люди громко приветствовали нас.

Я был доволен.

Но среди встречавших не было Шагающей Лисицы. Молодой Волк тяжело спустился с коня и спросил у старшей жены, где её сестра.

– Она в женском типе, – ответила Птица-Которая-Охраняет-Гнездо. Это означало, что у Шагающей Лисицы начался месячный цикл. Женщине полагалось жить отдельно от семьи в Лунный Период, потому что выходящая из неё кровь считалась нечистой. Её присутствие в доме в такое время могло навлечь несчастье на родственников. Поэтому она уходила в специальную палатку, где собирались другие такие же, и проходила очищение под присмотром знающих старух.

– Когда она ушла? – строго спросил Молодой Волк.

– В день твоего отъезда.

– Тогда я понимаю, почему враги попали в меня стрелой. Шагающая Лисица была уже нечиста, когда я отправлялся в поход. Она должна была предупредить меня! – Он был раздражён, это видели все. – Позови лекаря и шамана. Я хочу принести жертву Великому Духу и вымолить его благосклонность.

Всю ночь гремели барабаны, и лучшие певцы из разных воинских обществ радовали нас своими песнями. Жёны и сёстры тех, кто вернулся из военного набега, исполняли танец, держа в руках боевые трофеи своих мужей и братьев. Мои сёстры были очень веселы, потому что я подарил им всех лошадей, которых мне дал Красящий-Лоб-Белым.

Шагающая Лисица вышла из палатки очищения на следующий день. Она была свежа и красива. Я подъехал на коне к ней и преградил ей путь.

– Сегодня вечером я увезу тебя. Если ты хочешь быть со мной, ты не станешь скрываться. Я хочу всё решить сегодня, – сказал я ей и ускакал. Она ничего не ответила мне, но я знал, что она обязательно выйдет из типа наружу после захода солнца. Что-то подсказывало мне это.

Я приготовил вещи, сложил их на волокуши и попросил Бегущего Зайца (он тоже был из общества Лисиц) ждать меня за пределами лагеря, едва начнёт смеркаться. Сам я надел на себя праздничную рубаху, рукава и воротник которой мои сёстры украсили густыми прядями длинных волос убитых мною врагов и расшили выкрашенными иглами дикобраза. На голове я, как мне полагалось, пристроил маску медведя, на макушке которой я закрепил вертикально два пера золотого орла, ведь случай был особый, торжественный.

Как только стала сгущаться тьма, я сел на моего любимого пятнистого жеребца и медленно поскакал вокруг деревни, ведя на поводу вторую лошадь, морду которой я вымазал в ярко-красный цвет. Громким голосом я исполнял мою любовную песню, в которой говорилось о храбром юношеском сердце, которое принадлежало лучшей из женщин. Наши песни очень важны для нас, потому что их очень много: на каждый случай жизни есть своя песня.

Бывают песни общие, которые знает весь народ, и есть личные, которые исполняет только их владелец, потому что, складывая их, он посвящает их конкретному лицу и конкретному делу. Я придумал мою любовную песню давно и иногда пел её вдали от деревни, призывая неизвестную, но именно мне предназначенную Создателем женщину. Теперь мою песню слушали все вокруг и шумно гадали, кого же я решил взять женой.

Я остановился перед типи Молодого Волка и продолжал петь. Появилась удивлённая Птица-Которая-Охраняет-Гнездо. За ней быстро вышла Шагающая Лисица. На её руках лежало покрывало, свёрнутое платье и обувь с ноговицами. Она остановилась передо мной и подняла на меня глаза. Я спрыгнул с жеребца, зачерпнул ладонью, обмазанной медвежьим жиром, порошок красной краски из мешочка на поясе и покрыл ею лоб Лисицы. Обычай требовал, чтобы жених собственноручно раскрашивал лицо своей невесты.

Вокруг нас столпилось много людей, и все молчали. Но стоило нам сесть верхом и направиться вон из деревни, как толпа приветственно закричала и замахала руками. Птица-Которая-Охраняет-Гнездо разразилась продолжительной бранью. За её спиной показался Молодой Волк. Он опирался на копьё всем телом и вертел головой, ничего не понимая. Но люди указывали руками на нас, и он сообразил, что произошло.

Я был уверен, что он не отправится в погоню, хотя я нанёс ему оскорбление, уведя женщину. Он был слишком слаб. Может быть, когда его плечо придёт в норму, он решится схватиться со мной, но не сейчас. Кроме того, Шагающая Лисица пришла к нему за сестрой, и он не выкупал её у отца, как это принято у нашего народа. Она досталась ему бесплатно. Я же заплатил Молодому Волку его жизнью, вынеся его из-под стрел на поле боя. Он не мог не помнить такого.

Мы добрались до того места, где Бегущий Заяц ждал меня с десятком моих охотничьих и военных коней и одной лошадью с закрепленными на её спине волокушами. Я поблагодарил его и отправил домой, а сам с Шагающей Лисицей поехал выбирать место для ночлега. Первую ночь мы провели под открытым небом и только к концу следующего дня поставили нашу палатку.

Теперь у меня была семья.

Одиночки

Странный Медведь чувствовал себя вполне уверенно вдали от племени. Обычно в стороне от общего лагеря жили только изгнанники, ибо одинокое существование в диком мире было тяжелейшим испытанием для человека. Но Медведь твёрдо знал, что его покровитель из мира духов всегда предупредит об опасности, поэтому ничего не боялся.

Одной из неприятных сторон такого уединения была опасность потерять костёр, за ним нужен был постоянный присмотр, так как огонь мог угаснуть, а разводить его трением – занятие не из лёгких. В лагере всегда были хранители огня. В те годы индейцы ещё не знали, что у белых торговцев были спички, и разжигали огонь во всех жилищах от общего костра.

Под конец месяца Странный Медведь столкнулся с ещё более серьёзным вопросом, о котором прежде никогда не задумывался. У Шагающей Лисицы начался Лунный Цикл. В обычной ситуации она ушла бы из семьи в специальную палатку, где под руководством мудрых старух ежедневно проходила бы очищение, ведь выходявшая из женщины кровь выносила из организма нечистоты и пробуждала к жизни злых духов. За хозяйку осталась бы её сестра или мать. Сейчас же с ними никого не было.

Медведь сидел напротив жены и не решался что-либо предпринять. За женскую работу воин не мог взяться ни при каких обстоятельствах. Единственным исключением был период беременности жены, когда даже самые гордые мужчины принимались собирать хворост для очага и помогали устанавливать типи.

– Я не знаю, как поступить, – опустил он голову.

– Я буду продолжать заниматься домашними делами, – сказала Лисица, – а ты каждый вечер будешь устраивать мне палатку для потения, где вода и огонь очистят меня... Мы будем ежедневно молиться Великой Силе, чтобы она охранила нас от злых демонов...

В этот день и появился Молодой Волк.

Он остановил коня на расстоянии одного полёта стрелы от одинокой палатки и долго стоял, глядя на то, как Шагающая Лисица хлопотала над расстеленными шкурами. Он выкрасил лицо в чёрный цвет, и это означало, что его сердце пылало мстостью. Часть его волос была распущена сзади, а часть была свёрнута в большой пучок, нависший над самым лбом.

Первый его визит растянулся на два дня, и Странный Медведь не решался уехать за мясом. Когда же фигура всадника стала его раздражать, он взял ружьё, запрыгнул на своего пятнистого жеребца и поскакал в сторону Молодого Волка. Женщина с волнением следила за его действиями. Медведь на ходу поднёс приклад к плечу и выстрелил. Соперник поспешно скрылся за холмом, но Медведь последовал за ним, дабы убедиться, что покинутый муж не притаится где-нибудь в кустах.

Во второй раз Молодой Волк подъехал ко входу в палатку, рассчитывая ворваться внутрь и убить обидчика. Но Странный Медведь издали заметил его приближение и скрылся в густой тени рощи. Когда же Молодой Волк спрыгнул с лошади, он во весь дух понёсся к своему жилищу, держа в руке лук со стрелами. Налетев на незванного гостя, он отхлестал его своим луком и погнал прочь, не позволяя сесть на коня.

На третий раз Молодой Волк выждал, когда Медведь покинул типи, и, войдя внутрь, схватил бывшую жену за волосы. Лисица пыталась вырваться, крича, что Волк никчёмный и трусливый мужчина, но он не обращал внимания на её громкие речи и тащил брыкающееся тело к выходу. Несколько раз он сильно ударил женщину по голове, чтобы усмирить её пыл.

Странный Медведь остановился, отъехав совсем недалеко. Перед его лошадью возникла рогатая чёрная фигура.

– Возвращайся, – велел голос, и индеец понял, что медлить нельзя.

Стремительно выехав на лужайку, где стояла его палатка, он увидел, как Молодой Волк забросил бесчувственную женщину на лошадь, а сам направился к табуну, чтобы выбрать для себя другого коня. Медведь ударил своего жеребца пятками и на скаку достал из-за спины лук и стрелы. Его страшный хриплый вопль вонзился в холодный осенний воздух, как острый нож.

Молодой Волк оглянулся и прыгнул к ближайшей лошади. Он едва вскочил ей на спину, как Странный Медведь подлетел к нему и с расстояния двух шагов пустил стрелу. Она с резким звуком воткнулась Молодому Волку под рёбра и вылезла кровавым наконечником из его спины. Индеец вскрикнул и сильно качнулся, не успев даже взяться за оружие. Его глаза широко распахнулись и вперились в страшную рану, из которой брызгала кровь. Крупные капли пота оросили лицо Молодого Волка, покрытое жирным чёрным слоем краски. Странный Медведь осадил жеребца и через плечо выстрелил ещё раз. Тетива звонко фыркнула, и оперённое древко впилося под левую лопатку Молодого Волка. Наконечник пробил болтавшуюся кожаную ленту, вплетённую в волосы индейца, и пригвоздил её к мускулистой спине. Запрокинутая голова Молодого Волка так и застыла, словно пристёгнутая к спине. Кровавые капли разбрызгались по надувшимся мышцам.

Медведь схватил окровавленного противника за волосы и сбросил с лошади. Тот закрыл глаза, и из горла его полилась сиплая, едва слышная песня. Молодой Волк прощался с миром и просил умерших предков встретить и проводить его по Тропе Призраков.

Странный Медведь простёр руки к небу и поблагодарил Великого Духа за подаренную ему победу. Оглянувшись, он увидел Шагающую Лисицу. Она сползла с лошади, поперёк которой забросил её бывший муж, и села в траву, поджав ноги. Из-под волос по её лбу сочилась кровь. Позади женщины в воздухе различались контуры гигантского всадника с большими рогами на голове. Прозрачная фигура всадника была неподвижна, и через неё насквозь пролетали сорвавшиеся с деревьев желтоватые листья. Один из паривших в воздухе листьев зацепился за жезл в руке Духа, потрепетал на нём, но призрачный контур растаял, и лист продолжил свой полёт.

– Почему ты не скажешь ничего? – крикнул Медведь своему невидимому помощнику, но не услышал ни слова в ответ.

Шагающая Лисица тяжело подняла голову, думая, что вопрос обращён к ней, но промолчала, не в силах вернуться в чувства после полученных ударов.

Вечером она села возле мужа и положила голову ему на плечо.

– Мы прогневали духов, – сказала она, вперив взгляд в полыхающий костёр. – Я навлекла на наш дом беду, когда осталась здесь, будучи нечистой. Я навлекла на тебя беду, мой любимый муж. Ты убил человека из своего племени...

После этого случая Странный Медведь решил перебраться в лагерь, чтобы не рисковать больше: слишком лёгкой добычей могла стать Шагающая Лисица для любого проходящего отряда, а он не мог постоянно находиться рядом. Да и сам он тосковал без людей.

В день, когда он велел Шагающей Лисице свернуть палатку, к нему пришёл Медвежий Бык. Он не явился, как обычно в виде чёрной фигуры, а только заговорил откуда-то со стороны.

– Ты хорошо делаешь, что возвращаешься к людям.

– Лисице тяжело одной, – ответил индеец.

– Это правда, но не в том причина. Я знаю твои мысли, – сказал Дух, – не пытайся выглядеть более суровым, чем ты есть. Ты просто боишься за жену. Это хорошо. Значит, в тебе есть чувства не только бойца, значит, ты доверишь её людям. Ты не должен забывать о своём народе. Я пришёл к тебе впервые, когда ты был совсем мальчиком, чтобы помочь тебе занять положенное место *среди людей*, а ты покинул племя... Зачем? Ведь ты ничего не боялся. Или ты думаешь, что уединение сделает тебя особенным? Не надейся, Медведь. Человек закаляется, живя среди себе подобных. И не забывай, что народ – это дом, в котором обитает часть твоей души...

– Ты считаешь, что я зря забрал чужую женщину? – спросил Медведь, глядя в серый воздух перед собой.

– Нет. Твои люди привыкли поступать так с древних времён. Мужчина должен получить ту женщину, которая создана для него Великим Духом. Если бы Лисица не хотела уйти с тобой, тогда я бы посоветовал тебе не связывать себя с ней... Жаль только, что ты убил человека своего племени... Это дурно... Ещё хуже то, что ты пустил в него три стрелы, когда достаточно было одной. Ты взращиваешь в себе злобу и ненависть, а ведь их в тебе достаточно... Ты оставил род Куропатки, не нарушив никаких законов племени. Теперь же ты возвращаешься, неся на плечах груз тяжкого преступления...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.